

БОЯРЪ - АНИМЕ

Св Ск Са

ВЫРОДОК
ИЗ РОДА
РИВАС

Бояръ-аниме

Св Ск Са

Выродок из рода Ривас

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Св Ск Са

Выродок из рода Ривас / Св Ск Са — «АСТ», 2017 — (Боярь-аниме)

ISBN 978-5-17-101029-4

Маг экстра-класса попадает в тело ребёнка в параллельном мире. Ребёнок осиротел, но он единственный прямой наследник одного из трех главных магических родов человечества. За право опекунства над юным Сержем Ривасом разворачивается безжалостная нешуточная схватка, ибо это даёт очень серьёзные преференции выигравшей партии. Вот только никто из противоборствующих сторон не подозревает, что к Сержу возвращается память и навыки его невольного альтер-эго. А значит, вскоре кому-то предстоит незабываемое кровавое шоу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101029-4

© Св Ск Са, 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Св Ск Са

Выродок из рода Ривас

Глава 1

Лежу, скорее всего, в кровати, в голове пустота. Пустота?! И так, что я о себе помню... родился, учился... жениться вроде не успел... да точно, не успел, умер. Умер на выпускных экзаменах университета. Кто-то слишком сильно открыл канал на огненный план, ну и сам погиб и меня с собой захватил, как сидящего к нему ближе всех. К кому «к нему» – не помню. Вообще с памятью творится что-то странное: имя – не помню, а вот титул – граф Ашениаси, помню. Помню, что учился девять лет в столичной магической школе, а потом ещё шесть лет в университете, тоже столичном, а вот название столицы выветрилось из памяти. Помню, что воспитывался дедом, а куда подевались родители – не помню. Дед-то умер, когда я поступил в университет, успокоившись за моё будущее.

Что же ещё я помню о себе? Помню, с детства была проблема – слишком маленький резерв. Кроме того, примерно у половины одарённых кроме своего собственного резерва есть канал на план какого-то из видов магии, одного или двух соседних. У меня же таких каналов оказалось шесть: Астрал, Свет, Смерть, Воздух, Металл, Материя. То есть ни одного соседствующего с другими! Это привело к тому, что пользоваться я не мог ни одним из них. Меня, как феномен, с детства исследовали самые могущественные маги Империи. Конечно же на опыты меня не пустили (да кто бы им позволил!), но пару месяцев в году на разнообразные тесты и исследования меня, любимого, вплоть до моего первого совершеннолетия уходило стабильно. Вердикт был неутешителен. Для использования энергий планов мне необходим был собственный резерв, не менее чем в три раза превышающий пропускную способность канала. Если сказать, что пропускная способность каждого канала превышает пятьдесят тысяч единиц, а собственный резерв архимага где-то в районе двадцати тысяч единиц, масштаб задачи, стоящей передо мной, становится понятным.

Мой же резерв... демоны, опять не помню. Это бесит. Помню только, что при поступлении в школу, он был на нижней грани для зачисления в столичную школу – пятнадцать единиц. Помню, что вообще, для зачисления хоть в какую школу нужен резерв не менее пяти единиц, а если он к десяти годам, моменту зачисления, меньше, то тебе светят двухгодичные курсы и всё. Я же развивал резерв, точно помню. Помню, что в первом классе я был предпоследним по объёму резерва, а к выпуску – сорок восьмым из семидесяти двух учеников. В университете же я... опять не помню, но в двадцать лучших не входил точно. Это помню, потому что двадцать лучших сами выбирают службу из предоставленных вакансий, а остальные – получают её по жребию. После университета надо отслужить... кажется двадцать лет. Точно, двадцать.

Чему учился пятнадцать лет – ничего не помню, хотя... приёмы повышения резерва помню, уже хорошо. Так, если я умер, то где я? Я ощущаю своё тело, хотя... странно ощущаю, как по-моему. И резерв... демоны, две целых одна десятая единицы?! Да что такое творится?!

Что такое? Не могу ни пошевелиться, ни открыть глаза. Резерв – значительно уменьшился, каналы... не ощущаю, хотя что-то есть. Сознание уплывает.

* * *

Лежащее в больничной палате тело ребёнка содрогнулось, по лицу пробежала трудноуловимая гримаса, прибор, стоящий в изголовье кровати и напоминающий часы с маятником, пискнул, засветился красным, стрелки его задвигались быстрее.

К тому моменту, как в палату зашла молодая женщина в белом халате, прибор уже успокоился. Женщина была невысокого роста, её тёмные волосы завязаны в тяжёлый узел. Фигура женщины была широковата в кости, но все положенные выступы и впадины были на своих местах. Медсестра (это было понятно как по наряду, так и по поведению) проверила показания прибора, тяжело вздохнула, посмотрев на мальчика, и вышла.

* * *

Снова очнулся. Это радует, хотя с такими показателями... лучше честно сдохнуть. Похоже, я выжил, но практически потерял способности к магии. Так, отставить панику. Я жив, значит, всё остальное поправимо. Стоп, перед тем как отключиться, я обнаружил что-то непонятное с моими каналами. Так, проверяем, точно, у меня теперь только один канал! Так это же великолепно! Теперь пользоваться каналом я смогу, раскачав резерв хотя бы до пятидесяти единиц! Но... странно, я о таком не слышал даже. Канал у меня почему-то с планом пространства. Да, а о том, чтобы выживали практически в эпицентре выброса огненного плана, ты слышал? Как там говорится: «Век живи, век учись, и дураком помрешь». Так что, канал есть, вот и славно. Только он опять же какой-то странный, всего пять единиц. Конечно, такое как раз таки вполне возможно, при возникновении каналы бывают разной пропускной способности, это их развивают до стандартного размера в ходе какого-то ритуала... опять не помню. Помню точно, что со мной этот ритуал не проводили, у меня все шесть каналов изначально были хорошо развитыми... чтоб их.

Итак, магия есть, канал есть (причём весьма дефицитной специальности), тело ощущаю, хотя и странно ощущаю, глаза открыть и пошевелиться не могу, боли нет. Что ж, примем за постулат допущение, что я лежу в Имперской больнице имени Аквилоны-Целительницы, о, ура, ещё одно воспоминание, и постараемся уснуть, надеясь, что, проснувшись, буду в состоянии хотя бы открыть глаза.

* * *

У постели мальчика стояли трое: молодая пара – женщина в траурных одеяниях, мужчина в строгом костюме и доктор. Доктор говорил:

– Как видите, состояние вашего племянника стабильное, никаких физических отклонений мы не фиксируем...

– Так почему же он не приходит в себя? – перебила доктора рыжеволосая красивая женщина. Мужчина успокаивающе положил ей руку на плечо и слегка погладил.

– Мозг человека – очень слабо изученный механизм, я бы сказал «трижды чёрный ящик» мы не только не знаем принципов его работы, но и слабо представляем положение на входе и выходе из него. Так что придётся подождать и положиться на волю богов. Но одно я вам могу гарантировать – физически ваш племянник абсолютно здоров.

– Когда он может очнуться, доктор? – заговорил мужчина. У него был мягкий, тихий голос. – Видите ли, я не могу долго оставаться в Париже, а при первом разговоре с ним я считаю себя обязанным присутствовать.

– Ничего не могу вам сказать – развёл руками доктор. – Это может произойти в любой момент. Кстати, по докладу медсестры, вчера приборы уже зафиксировали аномальную активность мозга Сержа, так что, в любой момент.

– Хорошо – мужчина принял ответ и посмотрел на свою спутницу. Та в свою очередь оторвала взгляд от мальчика и посмотрела на мужчину – я останусь ещё на один день, потом буду вынужден уехать на неделю. Потом я вернусь.

– Я понимаю – тихо сказала женщина – Ты не можешь бросить все свои обязанности. Я знаю, что ты и так провёл здесь гораздо больше времени, чем планировал изначально. Я справлюсь.

* * *

Так, снова очнулся. Хотя, скорее, проснулся. Ну что ж, приступим к физическим упражнениям. На счёт раз – открыть глаза, на счёт два – осмотреться. Дальнейшая зарядка – по обстоятельствам. И-раз.

* * *

Глаза мальчика открылись, что немедленно вызвало реакцию прибора. Правда, в этот раз он не пищал и свечение было зелёного цвета.

* * *

Так, цвет стен белый, голову пока повернуть не могу, но похоже, что палата небольшая, в ней я один. Что-то в интерьере мне не нравится, но, поскольку с памятью у меня большие проблемы, спишем эту неправильность на них, пока по крайней мере. Что-то никто не реагирует на графа, пришедшего в себя, даже странно.

* * *

В этот момент в палату вошла уже знакомая нам медсестра. Увидев, что мальчик смотрит на неё, она улыбнулась и подошла к кровати:

– Ну как себя чувствует маленький герой?

* * *

Я смотрел на вошедшую. Признаю, она была симпатичной, хотя и не в моём вкусе. О, значит, у меня есть какой-то свой вкус к женщинам и я его помню, хотя бы помню типаж, который с моим вкусом не совпадает. Ага, а радость-то на лице искренняя. Вот она подошла и что-то сказала. Не понял. Я прекрасно услышал сказанное, но ничего не понял. Так, отставить панику. Может быть, какие-то связи в мозгу нарушились. Девушка же, не дождавшись реакции на свою фразу, перестала улыбаться, что-то сказала и почти выбежала из палаты. Так, если я что-то понимаю в жизни, она побежала за доктором. Подождём, а пока попробуем продолжить физические упражнения. Заодно и отвлекусь от мыслей о непонятном мне языке. Поехали. На счёт раз – пошевелить пальцами правой руки, на счёт два – левой. И-раз...

* * *

Доктор в сопровождении всё той же медсестры вошёл в палату буквально через две минуты. Мальчик лежал по-прежнему с открытыми глазами, под тонким одеялом было видно, что он пытается поднять руки, но это у него плохо получалось.

– Так, – заговорил доктор, – ну здравствуй, Серж. Я твой лечащий врач Анри де-Жильбао. Ты слышишь меня? Если не можешь говорить, но слышишь, моргни один раз.

* * *

Так, пожилой мужчина с бородкой клинышком в таком же белом халате, что и девушка. Могу поставить себе пять баллов за аналитические способности – медсестра привела доктора. Странно, доктор незнакомый, а обычно меня лечил друг моего деда Антоний Кореяну. С ним что, что-нибудь случилось? Ведь даже если мой случай вне его специализации и компетенции, уж участвовать в наблюдении за мной он должен. Может быть, подойдёт позже? Так, доктор что-то сказал, по-прежнему на непонятном языке. Предположим, он спрашивает, слышу ли я его. Моргну на всякий случай один раз, по крайней мере покажу, что адекватен.

* * *

Мальчик медленно, с видимым усилием, закрыл и открыл глаза. Доктор обрадовался:
– Вот и хорошо. Не беспокойся, раз ты пришёл в себя, то и ходить и говорить точно сможешь. У тебя ничего не болит? Моргни один раз, если где-нибудь ощущаешь боль, и два – если не болит.

* * *

Доктор продолжал что-то говорить, я совершенно ничего не понимал. Вот он замолчал и снова уставился на меня. Как ему показать, что я его не понимаю? Моргну два раза, вроде бы это общепринятый знак отрицания.

* * *

Мальчик моргнул дважды. Доктор ещё больше обрадовался:
– Ну вот и отлично. Давай, сейчас ты заснёшь, а когда проснёшься, около тебя уже будет твоя тётя и я, и мы с тобой всё подробно обсудим. И, повернувшись к сестре, приказал: – Усыпи его на два часа.

Медсестра достала из рукава волшебную палочку, взмахнула ею и произнесла заклинание. Из палочки вышел поток частиц серебристо-серого цвета и достиг мальчика. Его глаза сразу закрылись. Медсестра поспешила выйти из палаты вслед за доктором и попросила его:

– Господин де-Жильбао, позвольте мне не присутствовать при вашем разговоре?

Доктор усмехнулся:

– Конечно же, я сам выполню все необходимые процедуры. Ты права, тебе лучше не вступать в дела аристократов, тем более в такие моменты. Аристократы не любят тех, кто видел их в момент слабости.

* * *

Итак, медсестра воздействовала на меня каким-то заклинанием. Это было очень интересно и давало много пищи для размышления. Судя по тому, что я мгновенно вырубился, заклинание было усыпляющим. Но, на меня не должны действовать никакие ментальные заклинания ниже третьего уровня! Может быть, с меня слетела вся ментальная защита? Попытаемся разобраться. Так, действительно, защиты не только нет, нет даже следов, что она когда-то была. Ну, простейший колпак я сам восстановлю даже с моим нынешним резервом где-то за сутки, а вот что-то более качественное точно не потяну, даже если и вспомню, как это делается.

Кстати, то, что она одарённая, я ощутил сразу, но вот уровень её резерва меня не на шутку насторожил. Во-первых, тем, что она его не скрывала. Это же первое, чему учатся все одарённые! А во-вторых, сам резерв был всего не более двадцати единиц! У взрослого человека, пусть и женщины! Конечно же использование фокуса при таком низком резерве совершенно оправдано, но как человек с таким резервом мог попасть в Имперскую больницу? И потом, я сообразил, что мне показалось подозрительным при первом же осмотре палаты. Светильник. Он не был чисто магическим. К нему подходил проводник, а сам светильник работал от энергии молнии. Конечно же ничего особо удивительного в том, что молния может давать освещение, не было. Но использовать энергию света гораздо экономичней. Прибавим к этому неизвестный язык – и ситуация превращается, превращается, превращается ситуация... в большую толстую задницу, накрывшую меня со всего размаху.

Так я лежал и паниковал, пока не услышал, что дверь в мою палату отворилась. Я открыл глаза. В палату зашла, нет, точнее вбежала, женщина лет около тридцати, во всём чёрном. За ней – мужчина, которого я мог охарактеризовать одним словом: «порода». Последним в палату зашёл уже знакомый доктор. Женщина сделала несколько шагов, уткнулась в мою кровать и замерла. Её руки сжали спинку кровати с такой силой, что пальцы побелели. Мужчина подошёл к ней сзади и приобнял её за талию. Доктор остался стоять у дверей. В палате воцарилось молчание. Наконец женщина его нарушила:

– Серж, позволь тебе представить барона Георга Тодта.

Мужчина вышел из-за её спины коротко поклонился и сказал:

– Приятно познакомиться, жаль только, что при таких обстоятельствах». Я же в первый момент отреагировал только на незнакомое имя, с которым ко мне обратились, и только через несколько секунд до меня дошло, я всё понимаю! Я попытался заговорить, но безуспешно, поэтому просто моргнул. Посетители не удивились, очевидно, доктор успел ввести их в курс дела, что я не полностью вернул себе контроль над телом. Я посмотрел на вошедших более внимательно. Все они были одарёнными и, к моему глубочайшему удивлению, никто из них не скрывал своего резерва. У женщины резерв был на уровне сорока шести единиц, у доктора и барона свыше пятидесяти. Кстати, то, что свыше, я видел отчётливо, а вот насколько – было непонятно. Я вновь перевёл взгляд на женщину. Она явно волновалась и собиралась с духом. Очевидно, Сержу предстояло выслушать какие-то неприятные для него известия. Демоны, а не желает ли она мне сообщить, что уходит от меня к этому барону? Жаль, если так. Женщина очень красива, хоть и выглядит старше меня, того графа.

Пауза затягивалась. Наконец женщина собралась с духом:

– Серж... Твои родители... Они оба погибли в сражении с отрядом возгулов, который напал на замок, где вы прятались.

Я не знал, как должен был отреагировать на это известие настоящий Серж, но не испытал никаких эмоций. Поэтому я закрыл глаза и попытался притвориться глубоко потрясённым. По крайней мере родители Сержа погибли как герои, защищая жизнь своего ребёнка, мои же – погибли по собственной глупости... Я почти вспомнил, почему погибли мои настоящие родители, но мои потуги прервал голос женщины:

– Серж, я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело, но решается вопрос, кто будет назначен твоим опекуном до совершеннолетия...

Опекуном?! Совершеннолетия?! Так я что, ещё и несовершеннолетний?! Эти новости меня настолько оглушили, что я смог уцепиться себя с двух боков одновременно, в надежде, что всё происходящее – горячечный бред. Глаза распахнулись, и я уставился на женщину. Она сбилась и снова замолчала. Прибор, стоявший у изголовья, издал какой-то писк. Доктор оторвался от входа и стал смотреть его показания. Странно, я так спокойно воспринял то, что попал в другое тело, и так бурно, что это тело оказалось телом ребёнка. Очевидно, доктор вко-

лол что-то успокаивающее, поскольку я смог довольно быстро взять себя в руки. Барон Тодт снова приобнял женщину, и это, очевидно, дало ей силы продолжить:

– Серж, решается вопрос об опекунстве над тобой. Поскольку магия родового владения признала тебя наследником рода, оно закрыто до твоего совершеннолетия. Это убавило число желающих взять тебя под опеку. Я... мы очень хотим, чтобы ты рос у нас. Ты ведь не возражаешь?

Я не знал, что ответить. У меня было чересчур мало информации, однако то, что мой манор до моего совершеннолетия закрыт, мне импонировало. Действительно, ребёнок не может проконтролировать полноту сохранности своего магического наследства, если к этому наследству его официальным опекунам открыт доступ. Конечно же у нас это решалось проще – по закону доступ к магическим источникам, принадлежащим несовершеннолетнему, допускался только под Слово Императора. Но, в принципе, если нет гаранта, то закрытие источника – неплохой вариант. Я посмотрел на остававшуюся для меня пока безымянной женщину и один раз моргнул. Она обрадовалась:

– Георг, смотри, он согласен!

Мужчина оторвался от неё и подошёл к изголовью кровати. Там он встал на одно колено и произнёс:

– Надеюсь, вы не пожалеете о своём решении, первородный Ривас. Я клянусь сделать для этого всё, что в моих силах.

После этого он поднялся и, повернувшись к женщине, произнёс:

– Хорошо, Мария. Оформляй бумаги, а через неделю я вернусь и мы сможем вместе присутствовать на суде.

Он кивнул мне и вышел. Следом за ним вышел и доктор. Мария встала на колени перед моей кроватью, поцеловала меня, прошептала: «Спасибо, Серж» – и тоже ушла. Я же остался один в недоумении и с небольшим опасением, не согласился ли я на что-нибудь плохое для себя. Обдумав эту мысль со всех сторон, я решил, что что-либо исправить ещё не поздно, поскольку никаких магических клятв я не давал и никаких бумаг не подписывал. Успокоившись на этом, я снова заснул.

Глава 2

Проснувшись, я с большим облегчением для себя обнаружил, что память ребёнка, в теле которого я нахожусь, стала мне хотя бы частично доступна. Я вспомнил своих родителей. Отец был наследником герцогства Ривас, герцогом он не смог стать, почему – не знаю. Мать была дочерью баронессы Холк. Та женщина, которая ко мне приходила, это сестра моей матери, она постоянно была у нас дома и заботилась обо мне. Её статус в доме, как я предположил, исходя из воспоминаний, что-то между гувернанткой и дуэньей. У отца есть ещё две сестры. Одна замужем в Спинии, другая – незамужняя, живёт в каком-то замке на территории маркизатства Ипр вместе со своими детьми. Мне, конечно же, непонятно, как аристократка, никогда не бывшая замужем, имеет детей, но моими родителями, насколько я понял, это воспринималось вполне нормально. Маркизатство Ипр располагалось в Белопаypse. На Белопаypse напал правитель Бритстана, находящегося через пролив от Белопаыса. В его войсках много умертвий, ну, насколько я могу судить по описаниям, это именно умертвия. Поскольку мой отец не был полноправным герцогом, он не мог укрыться в маноре, а покинуть страну в этот сложный для неё момент он решил невозможным для себя, поэтому, вместе с другими одарёнными, укрылся в крепости Берлаген.

Бритстанцы не ожидали, что их нападение заставит Галлию и Тхиудаланд – соседей Белопаыса – забыть о собственных распрях и объединиться против Бритстана. Бритстанские войска были разгромлены, и правитель Бритстана запросил мира. Уже во время мирных переговоров отряд умертвий, всё ещё шатавшихся по Белопаысу, напал на Берлаген. Бдительность охраны была ослаблена, и умертвия смогли прорваться. В бой с умертвиями включились взрослые одарённые. Пока они сражались, несколько умертвий обошли поле боя и проникли к детям. Серж Ривас первым попался им. А вот дальше... воспоминания обрывались на море огня. Очевидно, Серж как-то воспользовался своим пространственным каналом и выцепил меня, точнее моё сознание вместе с энергией огненного плана. Очевидно, сам он погиб, то ли по неосторожности, то ли по незнанию, то ли осознанно принесся себя в жертву. Да, и было ему в тот момент неполных десять лет.

* * *

В этот день меня практически никто не беспокоил. Дважды заходил доктор, один раз – массажист. Я учился пользоваться доставшимся мне телом. Хотя говорить ещё не мог, но вечером я уже смог согнуть ноги в коленях, шевелил всеми пальцами рук и мог свободно двигать руками. Поворачиваться пока не получилось, как и двигать головой. Одновременно я устанавливал простейший колпак, ограждающий от ментальных воздействий. Такие колпаки мы всегда ставили на ездовых животных. Они не позволяют воздействовать заклинаниям нулевого и первого уровня, а при применении более первого – предупреждают, прежде чем рассыпаться. Недостатком колпака является то, что его приходится подкреплять раз в три дня даже при отсутствии каких-либо атак, он не ослабевает со временем, но «слетает», и хватает его не более чем на два воздействия первого уровня. Да, и затраты на колпак – двенадцать единиц, на подкрепление – три единицы. Провозился я с этой структурой долго. Естественно, колпак, как и большинство простых структур, состоит из блоков, и его можно собрать из них, но, во-первых, мой прежний резерв позволял создавать колпак, не заморачиваясь с блоками, а во-вторых, резерв в этом теле пополнялся значительно медленнее, чем я привык. Так что к вечеру, вымотавшись физически и морально и с ноющими энергоканалами, я уснул, так и не построив

колпак. Но по крайней мере я теперь был уверен, что знаю, как его построить с учётом возможностей этого тела.

* * *

На следующий день произошло сразу несколько событий. Проснувшись, я обнаружил, что мой резерв «подскочил» до двух целых и двух десятых единицы. Не надо ухмыляться! Именно подскочил. Переведите эту одну десятую в проценты от моего имеющегося резерва и всё поймёте сами. Итак, записываем, скачок у данного тела – пять процентов. Это очень много. Дело в том, что у детей до десяти лет, момента поступления в школу, резерв растёт именно в процентах, вне зависимости от его величины. Но самый большой процент, о котором я слышал – два. С ростом резерва у детей вообще интересная история. Наши учёные никак не могут уловить какую-либо закономерность. Понятно только то, что рост происходит скачками, на определённый процент, причём этот процент и частота скачков у каждого ребёнка строго определённые и не зависят ни от напряжённости занятий, ни от первоначального резерва. Единственное, чего можно добиться занятиями – увеличить уровень развития энергоканалов. Получается, что скачки Сержа очень велики, но, скорее всего, редки, потому что в ином случае его резерв был бы уже намного выше. Что ж, подождём первой инициации и будем развивать резерв.

Вторым событием был визит тёти Жаннетт, сестры отца Сержа. Кстати, пора бы начать привыкать, не Сержа, а моего. Это довольно высокая, худощавая женщина на вид около сорока пяти лет со светлыми густыми волосами – семейным наследием и высокомерным выражением на лице. Её резерв – больше пятидесяти единиц. Насколько я помню памятью Сержа, это её обычное выражение лица, которое могло изменяться на брезгливое, неприязненное или умильное, в зависимости от того, на кого она смотрела: на неударённых людей, моего отца или своих детей. Доктор, кстати, её не сопровождал, а остался снаружи. Она подошла к кровати:

– Серж, я вами недовольна.

Я никак не отреагировал на её заявление. Это рассердило её, губы тёти сжались в тонкую линию:

– Это возмутительно, Серж. Я знаю, что ты ещё слаб после происшествия, но игнорировать меня ты не смеешь! Теперь я твой опекун, поэтому ты обязан быть вежливым со мной!

Она – опекун? Это интересно, а как же Мария? Поскольку я всё равно никак не мог повлиять в данный момент на события, я закрыл глаза и притворился, что засыпаю. Это явно привело тётю к точке кипения, поскольку я услышал:

– Неблагодарное отродье! Ну ничего, ты ещё очень пожалеешь о своей выходке!

После этого я услышал шум одежды и почти сразу – звук закрывающейся двери. Подождав несколько секунд, я снова открыл глаза. В палате было пусто. Через несколько минут вошёл доктор, проверил показания прибора и улыбнулся мне:

– Ну, как вы себя чувствуете, молодой человек?

Мне удалось выдавить из себя: «Хорошо». Доктор очень обрадовался:

– Это просто великолепно, что хорошо. Я смотрю, восстановление идёт очень быстрыми темпами. – Он вытащил свою палочку и произнёс какое-то заклинание. Из палочки вышел конус жёлтого цвета и окутал меня: – Попробуйте подвигать руками... Хорошо, очень хорошо, а теперь ногами...

Прекрасно!

Я не знал, что делало это заклинание, но похоже, оно сообщало доктору информацию обо мне. Опять же странно. Неужели обычная диагностика требует таких энергозатрат, что взрослому квалифицированному медику-мужчине для неё необходимо использование фокуса? Не помню, но, кажется, нет. И опять же, заклинание абсолютно не скрывалось. А ведь это же

рассеивание энергии, то есть большие затраты. Причём чем более высокого порядка заклинания, тем больше рассеивание. Да ещё и фокус... его характеристики привели меня в недоумение. Он, конечно, уменьшал затраты мага на заклинание, но то, что оба заклинания, которые я видел, имели визуальный эффект, опять же говорило о нерациональности расходования энергии и, что даже более важно, о слабой приспособленности фокуса к магии высоких порядков. Окончив диагностику, доктор ещё раз улыбнулся, сказал, что я уже совсем скоро смогу опять бегать и играть, и ушёл. Я же остался переживать своё третье открытие – я смог говорить, причём на языке Сержа.

Остальная часть дня прошла тихо и незаметно, и только под вечер произошло значительное событие – я смог-таки поставить колпак.

* * *

Мария пришла прямо с утра. В качестве приветствия поцеловала меня в лоб и устроилась на моей кровати:

– Серж, милый, я так рада, что ты заговорил! Доктор де-Жильбао рассказал мне об этом ещё вчера. Ты ведь извинишь меня за то, что я вчера не пришла? Я была вынуждена отправиться порталом в Брюссель, так как именно там решается вопрос об опекунстве. Мне жаль, что когда сюда пришла твоя тётушка Жаннетт, меня не было рядом. Доктор сказал, что ещё несколько дней и ты уже сможешь вставать...

Я остановил поток её красноречия, положив свою руку на её руки, сложенные поверх платья. Кстати, интересно, а почему тётя Жаннетт была не в трауре? Единственная чёрная деталь на её вчерашнем наряде – чёрный бант над левой грудью.

– Мария, – мне до сих пор было тяжело говорить, да я и опасался, что в моей речи будут проскальзывать слова моего родного языка, поэтому я старался говорить помедленнее и тихо, – тётя Жаннетт вчера сказала, что её назначили моим опекуном.

– Что ты! Заседание Высшего суда Белопаиса по твоему вопросу состоится только через десять дней. Не беспокойся, никто тебя не отдаст Жаннетт.

Она говорила успокаивающим тоном, но в её глазах я видел тревогу.

– Что я могу сделать?

– Пока ты лежишь здесь, в больнице в Париже, боюсь, ничего. Но не бойся, твоя Мария справится со всеми трудностями. Помнишь, как я победила того самого монстра, который живёт под кроватью?

Я улыбнулся. Такой эпизод действительно был в памяти Сержа. Он боялся ночью встать с кровати, чтобы сходить в туалет. Оставленный свет ночника не помогал, и Мария, вооружившись кочергой, залезла под кровать и долго там с кем-то воевала. Потом вынырнув из-под кровати с видом победительницы, заявила, что монстр повержен. И действительно, больше Серж не боялся. Но, к несчастью, с тётей Жаннетт кочергой не справиться. Поэтому я ещё раз, уже более настойчиво, спросил:

– Что я могу сделать?

– Ну не знаю. Мне надо проконсультироваться с Георгом... с бароном Тодтом. Я обязательно тебе скажу, если ты сможешь чем-либо помочь.

Я кивнул. Она ещё немного посидела со мной, вспоминая разные смешные эпизоды нашей с ней совместной жизни, но потом пришёл врач, сказавший, что мне вредно переутомляться. Мария на прощание снова поцеловала меня и ушла.

После её ухода я решил всерьёз заняться своим состоянием. Думаю, что понимаю, в чём дело: мои сигналы, сигналы моей личности, плохо воспринимаются мозгом Сержа. Необходима «притирка» одного к другому. Этим я и занялся.

Через час я был мокрым от пота, прибор у изголовья кровати протестующе запищал, прибежавшая медсестра решила, что мне стало хуже, вызвала доктора, поднялась суета, но оно того стоило: я смог сесть на кровати, и мои движения стали гораздо более упорядоченными. Осмотрев меня и не найдя никаких отклонений, доктор согласился со мной, что мне необходимо заново учиться управлять своим телом и ничего страшного, если я буду делать это быстрее, чем он запланировал. Доктор перенастроил прибор, который теперь должен был реагировать только если я действительно почувствую себя плохо. Вскоре моя палата опустела, и я продолжил упражнения. В течение дня ко мне несколько раз заглядывала медсестра, но убедившись, что со мной всё в порядке, уходила. К вечеру я настолько вымотался, что даже не слышал, как ко мне приходила Мария.

* * *

Утро принесло новые изменения – меня впервые покормили! До этого питание поставлялось прямо в кровь. После завтрака (протёртое овощное пюре), пришла Мария.

– Серж, я заходила к тебе вечером, но ты уже спал. Ты можешь повторить в присутствии нотариуса, что желаешь видеть своим опекуном меня?

– Конечно, Мария.

– Хорошо, тогда я сегодня же приведу его сюда.

После этого мы ещё немного поговорили, я похвастался своими успехами в контроле над телом, и Мария ушла. Дальнейший распорядок для меня не изменился: тренировки, тренировки.

Мария появилась уже после четырёх часов. С ней был пожилой мужчина в четырёхугольной шляпе, очках и тёмно-синей мантии. Мне представили его как мэтра Роше. Следом за ними в палату занесли пюпитр. Мэтр Роше вытащил из кармана маленькую книжечку, взмахнул палочкой – и книжечка резко увеличилась в размере. Положив получившийся том на пюпитр, мэтр Роше постучал палочкой по книге, и она сама открылась на какой-то странице. После этого мэтр дал мне в руку какой-то камень, который в моих руках засветился зелёным, и обратился ко мне:

– Я сейчас буду задавать вам вопросы. На них надо отвечать только либо да, либо нет. Камень является артефактом, подтверждающим, что вы находитесь в здравом уме, на вас не наложено никаких ментальных ограничений, а также то, что вы действительно говорите то, что думаете. Вам всё понятно?

Я подтвердил своё понимание. Тогда он встал за пюпитр и сказал торжественным голосом:

– Первородный Серж Ривас, подтверждаете ли вы, что вы являетесь сыном первородного Стефана Риваса, маркиза Ипрского, наследника герцогства Ривас?

– Да, – говоря это, я был в некотором напряжении. Ведь я ещё не до конца ассоциировал себя с Сержем, а уж вопрос об отце вообще был... дискуссионным. Но судя по поведению мэтра Роше, его артефакт мой ответ вполне устроил.

– Первородный Серж Ривас, сознаёте ли вы, что после смерти вашего отца вы становитесь маркизом Ипрским?

– Да.

– Первородный Серж Ривас, известно ли вам, что родовая магия Ривас признала вас наследником герцогства Ривас?

– Да.

– Первородный Серж Ривас, маркиз Ипрский, наследник герцогства Ривас, желаете ли вы признать своим опекуном свою родную тётю по матери, присутствующую здесь Марию-Анну, урождённую в семье баронов Холк?

– Да.

– Первородный Серж Ривас, маркиз Ипрский, наследник герцогства Ривас, желаете ли вы, чтобы кто-либо другой, кроме присутствующей здесь Марии-Анны, урождённой в семье баронов Холк, исполнял обязанности вашего опекуна?

– Нет.

– Благодарю вас, первородный Ривас.

Мэтр Роше забрал у меня свой камень и ещё раз постучал по своей книге. Из неё высунулся листок. Мэтр прочертил над ним своей палочкой какую-то сложную фигуру, сопровождая это словесной формулой. Из его палочки вышел сноп золотистых искр, впитавшихся в бумагу. После чего мэтр Роше с поклоном подал этот листок Марии. Затем проделал обратные манипуляции со своей книгой, убрал её обратно в карман, поклонился отдельно мне и Марии, пожелал мне скорейшего выздоровления и ушёл. Мария снова села ко мне на кровать.

– Серж, спасибо. Я так горда тем, что ты сказал нотариусу.

– Мария, я сказал то, что думал. Но разве мои слова, слова несовершеннолетнего, будут приняты судом?

– Ты не понимаешь, точнее не осознаёшь, какое значение придаётся выбору самой магии. Магия указала, что именно ты являешься следующим наследником Ривас. Причём сделала это в твоё отсутствие! Это редчайший случай, обычно магия выбирает наследника рода только тогда, когда он лично является к родовому алтарю. Так что не беспокойся, твои слова будут восприняты совершенно серьёзно и со всем уважением.

Да, похоже отношение к магии у местных гораздо более почтительное, чем я привык. В Империи понимали, что хотя магия и является великой силой, её обожествление и наделение разумом в корне неверно. Магия не имеет свободы воли, это скорее закон природы. Выступать против законов природы неразумно, но слепо повиноваться им – ещё хуже.

Вслух же я сказал другое:

– То есть, если собрались все возможные претенденты на родовую магию, а кого-то не пригласили или забыли пригласить, то он теряет шансы стать наследником, даже если он наиболее достоин?

– Ну, такие случаи бывали, хотя бывало и такое, что сама магия жестоко мстила за такие действия, вплоть до полного лишения рода магии. Но это редкость, в твоём случае ты всё равно был основным претендентом. Тебя в три года представили магии рода, ты поделился с алтарём рода своей кровью в восемь лет, так что в твоё отсутствие выбор наследника вообще бы не состоялся ни в каком случае. Удивительно то, что магия совершила ритуал выбора самостоятельно, без твоего непосредственного участия, а не то, что наследником Ривас стал именно ты.

– А как обычно проходит этот ритуал?

– Каждый из претендентов подходит к алтарю рода и делится с ним своей кровью и магией. После этого все претенденты на наследие становятся вокруг алтаря рода, берутся за руки и взывают к магии рода. Когда призыв услышан, претенденты размыкают руки и становятся поодиночке. Алтарь даёт знак избраннику. Насколько я знаю, в разных родах эти знаки различаются, какой у рода Ривас – не знаю. Потом все претенденты, кроме избранника, уходят, а сам избранник проходит какое-то посвящение, но подробности мне неизвестны. Такой обряд происходит, если у магии рода нет главы. Если же глава рода является одновременно и главой магии рода, то глава приводит избранного им наследника и магия рода принимает его. Если же глава колеблется между несколькими наследниками, то ритуал проходит в том порядке, который я тебе уже описала.

– А ты участвовала в таком ритуале?

– Да, моя мать не могла выбрать между своими дочерьми, кто же будет более достойной наследницей, поэтому мы все вчетвером проходили этот ритуал.

Память, ау! Молчит, зараза. Ладно, примем как гипотезу, что описанный ритуал совпадает с проводимым у нас, по крайней мере никаких несуразностей в рассказе я не заметил. Мария вскоре ушла, а я принялся анализировать произошедшее сегодня. И тут же чуть не подскочил – учебный год в этом мире начинался сразу же после Нового года, а до него в момент нападения оставалось четыре месяца. Десять же лет Сержу (мне, ещё раз – мне, и ещё раз, чтобы даже до такой тупой головы, как моя, дошло – мне) исполняется за месяц до Нового года. Год состоит из двенадцати месяцев и начинается в день зимнего солнцестояния. То есть, если я не хочу пропускать год, выздоравливать мне придётся ещё быстрее, чем я думал. Покопавшись в своей (ну наконец-то) памяти, я, к своему удивлению, не обнаружил никаких следов подготовки к школе. Конечно же война и прочие неприятности не способствуют отвлечению на материи, отстоящие от текущего момента на несколько месяцев, но всё равно, как-то странно. Решив разобраться с этим завтра, я начал припоминать магию, используемую мэтром Роше. Он мне показал как то, что я уже наблюдал, в частности визуальные эффекты при заклинаниях, полная открытость для считывания размеров своего резерва (резерв, кстати, у него совсем невелик – сорок четыре единицы), вся магия делается только при помощи палочки-фокуса, так и нечто новое – при манипуляциях с книгой отсутствовал как визуальный эффект заклинания, так и сам факт произнесения заклинания вслух. то есть, некоторые артефакты позволяют управлять ими без специальных заклинаний, на одном желании владельца. Тут меня царапнуло какое-то несоответствие. В чём-то этот вывод не соответствовал моему прошлому опыту. Постаравшись вспомнить, что же мне кажется неправильным, и убив на это полчаса, я не добился ничего, кроме глухого раздражения на себя, плюнул и вновь принялся за физические тренировки.

* * *

Утром я, пусть и с помощью медсестры, смог пройти несколько шагов по палате до стола, стоящего около окна. Наверное, со стороны я выглядел, как пьяный паралитик, вихляющий во все стороны сразу и с неестественно прямой спиной. Думаю, если бы мне показали такое зрелище со стороны, я бы смеялся до упаду. По счастью, медсестра, скорее всего, видела и не такое, поэтому на её губах не мелькнуло и тени улыбки. После завтрака, уже по традиции, пришла Мария. После приветствий и рассказа о моих успехах я начал осторожные расспросы:

– Мария, а какое сегодня число?

– Двенадцатое декабря. Ты пропустил свой день рождения. Но это ничего, мы обязательно его отпразднуем, как только ты поправишься.

– Мария, а где мы будем жить, раз мой манор закрыт до моего совершеннолетия?

Она посмотрела на меня с удивлением:

– Серж, твой манор станет тебе доступным только в том случае, если ты сможешь стать в глазах магии достойным принять титул герцога.

Я опять растерялся. То она мне говорит, что мой манор закрыт до моего совершеннолетия, то до признания меня достойным герцогского титула. Очевидно, Мария поняла мои затруднения:

– Ты, наверное, перепутал. Твой родовой замок с алтарём рода – это замок Ипр. Он закрылся до твоего совершеннолетия. А манор, как и все маноры, находится на Грани, и доступ туда может быть открыт только полноправным герцогом Ривас. И проходить туда смогут лишь те, кому он откроет доступ.

Я попытался порыться в памяти. Вот ещё одно дело, которое нельзя, слишком опасно оставлять на «потом». Необходимо навести порядок в своей памяти, организовать там мою любимую библиотеку (вот и ещё один кусочек прежнего знания открылся. Я вспомнил, как организовывать из своих воспоминаний удобное для пользования хранилище). Но сейчас надо

что-то отвечать. Пауза затягивалась, Мария смотрела на меня с возрастающим беспокойством. Наконец, я ухватил какое-то воспоминание и выпалил:

– Вспомнил. Между магическим источником, на котором находится манор, и алтарём рода есть связь, по которой алтарь получает постоянную подпитку. Именно поэтому наш род такой могущественный. На весь мир осталось всего чуть более двухсот таких родов, имеющих постоянную подпитку из Грани.

Мария улыбнулась, но опасение не ушло из её глаз:

– Серж, я понимаю, что здесь не время и не место, но просто скажи, ты помнишь, какой ключ для проникновения на Грань у рода Ривас?

Я задумался, но совсем ненадолго. Это воспоминание было одним из самых структурированных в моей памяти. Я кивнул:

– Конечно, помню.

Мария приложила свой палец к моим губам:

– Вот и хорошо, что помнишь. Главное – не забудь, а говорить об этом нельзя. Никому, даже мне.

Фух, хорошо, что этот вопрос выяснили. Однако я так и не узнал, где же мы собираемся жить? Мария, от волнения, что я мог забыть один из главных секретов рода, уже явно выкинула мой вопрос из головы. Пришлось повторить:

– Так где мы будем жить?

– А ты так боишься остаться бездомным?

– Нет, я понимаю, что совсем без жилья не останусь, но мне хотелось бы знать, в какую школу я пойду.

– Ах вот ты о чём. Действительно, тебя с рождения записали в Бриттанскую школу, а уместно ли тебе сейчас в неё ходить, непонятно. Знаешь, ты иногда меня поражаешь своей рассудительностью и предусмотрительностью. Как будто тебе не десять лет, а по меньшей мере двадцать девять.

В первый момент меня затопила волна паники: «раскрыла», «довыступался». Однако почти сразу я вспомнил ситуацию из «моего» раннего детства, когда мы с Марией пошли ловить рыбу с ночёвкой, и, если бы я не взял на себя сборы, ловить рыбу, готовить её и ночевать нам бы пришлось исключительно волшебной палочкой Марии. А в бытовых заклинаниях она по собственному признанию «не сильна». Так что я как можно с более важным видом произнёс:

– Дело не в количестве лет, а в качестве. Некоторые взрослые, собираясь ночевать на природе, даже палатку не удосуживаются захватить.

Мария посмотрела на меня в какой-то детской обидой:

– Ну надо же! Всего один раз кое-что забыла, теперь напоминать будут всю жизнь!

– Один раз, – протянул я с самым скептическим видом, – кое-что.

– Ах ты, мелкий негодник! Ну погоди, выздоровей только, я уж тебе тогда покажу! Ну вот, заболтал ты меня совсем. А жить мы будем в доме барона Тодта. Это на территории Тхи-удаланда, но от Ипра не так уж далеко. Что же касается школы... ну до неё ещё два года, время подумать есть. Хотя Исток по праву считается лучшей школой магии в мире.

Я побоялся расспрашивать Марию подробнее, хотя информация о том, что до школы мне ещё два года, – шокировала. Я решил для начала навести порядок с собственными воспоминаниями, а уж потом лезть с расспросами.

Мария вскоре ушла, предупредив меня о том, что она сегодня же отправится в Брюссель с моим нотариально заверенным заявлением, чтобы успеть ознакомить с ним как можно большее число членов суда. Она обещала вернуться через два дня. Весь день я опять посвятил занятиям, изменения произошли лишь в том, что я теперь чередовал физические упражнения (поднять руку на уровень плеча, плеча, а не грудины, плеча, а не макушки, вот так сойдёт на первый раз, а теперь другой рукой) с работой по наведению порядка в моей памяти. К вечеру я смог

сам, без помощи медсестры, встать с постели и, держась за стену, дойти до окна. За окном был огромный город, полный людей. Исходя из их одежды, на улице не было особенно холодно. Несколько деревьев, попавшихся мне на глаза, навевали грусть своими голыми кронами. По улице ездили различные конные экипажи. Не все названия их я смог вспомнить. Проезжали и люди верхом на лошадях. Уличное освещение было организовано вообще без капли магии и, в отличие от освещения в больнице, не было основано на энергии молнии. За те десять – пятнадцать минут, что наблюдал за улицей, я не увидел ни одного одарённого человека.

Я отошёл от окна и присел на кровать. Пожалуй, пора подвести предварительные итоги. Итак, тело слушается меня с каждым днём всё лучше, физически мальчик хорошо развит, скорее всего занимался фехтованием. Память его мне досталась полностью или почти полностью, осталось разобраться в ней, магических сил совершенный мизер, но это поправимо, главное – есть рабочий канал на план пространства. А когда у вас есть рабочий канал, вопросы резерва волнуют во вторую очередь. Общественное положение – великолепное, один из двухсот на весь мир – это звучит, причём звучит громогласно. С моей собственной памятью – очень большие проблемы, хотя она где-то есть, но вот всплывает информация из неё маленькими кусочками, неожиданно и чаще всего ассоциативно. Странности мира начинаются с того, что у всех, кого я мог видеть, маленький резерв, маленький по моему прежнему окружению, и заканчиваются тем, что за эти дни я не увидел и не услышал об использовании других типов магии кроме внутренней – магии резерва и пространственной магии.

Вопросы множились, а ответов пока не находилось. Решив, что утро вечера мудрёнее, я лег на постель и сразу же заснул.

Глава 3

Проснулся я ранним утром от какого-то шума. Открыв глаза, я обнаружил, что ворвалась, иначе и не скажешь, весьма пёстрая компания. Возглавлял её доктор де-Жильбао, которого теснила моя тётя Жаннетт, следом за ней шёл какой-то сгорбленный старик в фиолетовой мантии без головного убора. Замыкал процессию мужчина в форме, память подсказала, что это форма полиции Белопайса.

Тётя Жаннетт бушевала:

– Я требую, чтобы мой племянник был немедленно выписан из этой больницы, куда как к себе домой шастают какие-то худородные девчонки. Я заберу его домой, в замок Ипр, и там родовая магия поставит его на ноги гораздо быстрее всяких докторов. В конце концов я его ближайшая родственница со стороны отца, а кровь его матери не имеет никакого значения. Месье Жуль, чего вы молчите?! – с этими словами она обернулась к старику.

Старик прокашлялся и произнёс:

– Согласно пункту пять Конвенции «О местах силы, родовых поместьях и прочих владениях магов» от третьего июля три тысячи триста тридцать третьего года основным для мага местом пребывания считается его родовой замок с алтарём рода. Согласно же...

Тут его перебил де-Жильбао:

– И какое отношение имеет зачитываемый трактат к тому факту, что вы собрались забрать больного ребёнка из больницы, не дожидаясь его выздоровления?

– В замке Ипр ему будут созданы все необходимые условия, – тут же возразила тётя Жаннетт.

– Да? И как же это соотносится с тем фактом, что замок Ипр, насколько мне известно, закрылся до совершеннолетия его нового хозяина?

Тут и месье Жуль и полицейский посмотрели на тётю Жаннетт. В палате установилось молчание. Первым его нарушил сотрудник полиции:

– Прошу прощения, доктор де-Жильбао, маркиз Ипрский. Госпожа Ривас не уведомила нас об этом факте, поэтому полиция Белопайса снимает всякие претензии по месту нахождения наследника Ривас.

Тётя развернулась и яростно посмотрела на полицейского. Тот спокойно выдержал её взгляд.

– Зато свои претензии не снимаю я! – вскричала Жаннетт. – Пусть мальчика уберут из этой больницы и доставят в другую, куда не будет доступа всяким проходимкам и проходимцам!

– Согласно пункту семьдесят шесть Декларации «Об определении чистокровных магов, их прав, обязанностей и степени родства» от второго апреля четыре тысячи семьсот двенадцатого года, распорядителем воли несовершеннолетнего мага до принятия решения полномочным органом является человек самого высокого происхождения из всех возможных кандидатур, – снова влез со своим комментарием месье Жуль. – Поскольку суд об определении опекуна для наследника рода Ривас ещё не состоялся, распорядителем его воли становится именно госпожа Ривас.

– Даже если бы у вас была бумага об официальном опекунстве над мальчиком, переместить его в другую больницу вы могли бы только в случае разрешения врачебного консилиума! – не выдержал доктор.

– И поэтому, – торжественно произнесла тётя Жаннетт, – я, как распорядитель воли наследника рода Ривас, запрещаю посещения к нему кого бы то ни было, без моего присутствия. Разумеется, – тут на её лицо напозла саркастическая ухмылка, – к врачебному персоналу это не относится.

Я посмотрел на доктора. Судя по его поведению, этот аргумент ему нечем было крыть, а судя по торжествующей улыбке тётки Жаннетт, ей в голову пришла та же мысль.

Весь разговор я пролежал тихо и не шевелясь. Но в этот момент решил вмешаться. Мне подумалось (или вспомнилось – так и не понял ни тогда, ни впоследствии), что любые права подразумевают и обязанности. Поэтому я прочистил горло, привлекая к себе внимание, и спросил:

– Месье Жуль, не могли бы вы описать процедуру становления распорядителем воли? Разве при этом не надо давать каких-то клятв или письменных обязательств?

Месье Жуль явно замешкался. Он посмотрел на меня, на полицейского, на тётку и попытался выскользнуть из палаты. Но его остановил доктор:

– Кстати, да. Мне тоже очень интересен данный вопрос. Настолько интересен, что я, пожалуй, свяжусь со своим семейным адвокатом, чтобы прояснить его.

Месье Жуль поник. Он проиграл и понял это. Это же поняла и тётка Жаннетт. Её лицо искажилось:

– Ах ты мерзкий мальчишка! Да я из кожи вон лезу, чтобы оградить род от пиявки, присосавшейся к нашей силе, а ты! Ты не понимаешь, что она выпьет тебя и выбросит! Мало того, она выпьет всю магию рода Ривас! О чём думал папа, когда назначал наследником Стефана? Так вот, запомни: я добьюсь изгнания этой худородной и тебе лучше не становиться на моём пути!

Сказав это, она вылетела из палаты. За ней, глубоко поклонившись, исчез и месье Жуль. Так и не представившийся полицейский немного выждал, наверное, чтобы не столкнуться с разъярённой тёткой где-нибудь в коридоре, откозырял отдельно мне и доктору и, извинившись, вышел. Мы с доктором остались вдвоём. Он с интересом посмотрел на меня:

– Вы что-то знали об этой процедуре?

Я покачал головой из стороны в сторону. Потом подумал, что этого ответа недостаточно:

– Совершенно ничего. Просто я подумал, что в магии права всегда идут рука об руку с обязанностями, даже если прав много, а обязанностей – мало.

Доктор расхохотался:

– Да вы философ, Серж. Вы позволите мне вас так называть?

Я кивнул.

– Да уж, выстрел вслепую и прямо в яблочко! Знаете, я, пожалуй, действительно схожу, свяжусь со своим адвокатом. Мне почему-то стало дико любопытно, чего же так испугалась госпожа Ривас в этом обряде.

После этого он опять применил уже знакомое диагностическое заклинание, порадовал меня тем, что моё восстановление проходит: «просто-таки как по волшебству», и оставил меня одного.

Кстати, объём резерва у полицейского составлял всё те же сакраментальные «больше пятидесяти», а у месье Жуля – двадцать шесть, даже меньше, чем у нотариуса.

* * *

Остаток этого дня и весь следующий я провёл за разбором и систематизацией своей памяти. Прерывался я лишь на приём пищи и небольшие прогулки под присмотром медсестры. Доктор за это время появился только один раз с широченной улыбкой на лице:

– Серж, мне пришёл ответ от моего адвоката. Так вот, для того, чтобы стать распорядителем воли несовершеннолетнего мага, претендент на эту должность должен произнести клятву оберегать этого мага и стоять на страже его интересов... – Доктор сделал эффектную паузу.

Я с интересом посмотрел на него. Вроде бы клятва абсолютно стандартная и, кстати, обходится при должной заинтересованности на раз. Что же в ней такого неприемлемого для себя обнаружила тётя Жаннетт?

– Эту клятву претендент должен произнести на алтарном камне. А самое главное, что после обретения несовершеннолетним магом распорядителя воли все запечатанные магией рода объекты открываются, – тут доктор не выдержал и самым натуральным образом заржал. Через секунду я к нему присоединился. Действительно, отличный получился анекдот. Стать распорядителем воли она не может, пока не даст клятву, клятву дать невозможно, так как алтарь рода закрыт, но вот если она станет распорядителем воли, доступ к алтарю откроется.

Отсмеявшись вместе с доктором, я вернулся к работе с собственной памятью. Что же получилось в итоге? К сожалению, к знаниям графа Ашениаси (я решил именно так обозначить тот период своей жизни) доступа не было, хотя, погрузившись в свой внутренний мир, я видел этот кусок памяти в виде чёрного шара, отталкивающего меня при попытках приблизиться. Знания же Сержа каталогизировались довольно легко, хотя глубинные слои памяти были мне недоступны, а некоторые участки его памяти оказались девственно чисты. То ли с ним работал опытный менталист уровня не ниже четвёртого, то ли этот эффект появился из-за вторжения моей личности. Подробный же разбор памяти Сержа займёт ещё не один месяц.

Разбирая свою память, я наткнулся на множество любопытных вещей, но особенно важными мне показались три из них.

Первое, я понял стремление своей тётки оградить меня от Марии. Она действительно была «худородной», её род был недостаточно древним и сильным для возникновения собственной магии рода, хотя алтарный камень был уже работающим. После ритуала определения наследника она осталась в роду, но в случае рождения ею ребёнка без выхода из рода она начала бы тянуть силу из алтаря рода. Такие действия в прошлом иногда приводили к разрушению алтарей. В том же случае, если она родит ребёнка будучи моим опекуном, магия рода Ривас поддержит её и, вместо того, чтобы отбирать у собственного алтаря, она пополнит его за счёт алтаря рода Ривас. Пострадает ли от этого магия и алтарь рода Ривас – не знаю, такой информации у меня нет.

Когда я осознал эту информацию, моим первым побуждением было связаться с тёткой Жаннетт, чтобы она поделилась со мной имеющейся у неё информацией об опасности Марии для рода Ривас. Но поразмыслив, я отказался от этой мысли. И потому, что тётя никак не могла быть объективной, и потому, что мне просто нравилась Мария, но главное – потому что в моих воспоминаниях обнаружился разговор моего отца с моей матерью. Разговор происходил в присутствии меня и Марии.

Воспоминание:

– Дорогой, но мне кажется, что требования моей матери чересчур завышенные. Мало того, что она не даёт сестре ни крупинки магии нашего алтаря, так она ещё и требует от жениха заполнить наш алтарь своей магией. Не слишком ли? А ведь к первому она предъявила такие требования к тебе. Зачем ты согласился на её условия?

– Глупенькая, от меня ничего невозможного твоя мать не потребовала. Вместимость вашего алтарного камня абсолютно незначительна для камня рода Ривас. Не говоря уже об имеющемся канале на Грань. Что же касается магии вашего алтарного камня – тут твоя мать немного не в курсе. При заполнении камня родовой магией, получение от него семейной происходит автоматически. Другое дело, что жених твоей сестры не обладает алтарным камнем вместимости рода Ривас, да и постоянной подпитки у него нет, поэтому для него требования будущей тётки действительно... несоразмерны. Но твоя мать мудрая женщина, я думаю, она это и сама поймёт.

– Но если для магии рода это ничто, зачем...

– Зачем мне вообще была магия твоей семьи? Ну это просто. Чем большее разнообразие энергии в камне, тем лучше камень работает и тем больше его вместимость.

– Подожди, но это значит, что ты сможешь дать магическое приданное и для Марии?

– А вот это уже сложнее. Вот если бы она была моей крови, тогда да, а так... магия не любит, когда её раздадут просто так. Оснований передачи родовой магии постороннему всего четыре: возвращение долга жизни, во взаимоотношениях вассала и сюзерена, в качестве платы за вхождение в другой род и в качестве оплаты услуг опекуна. Для Марии наиболее возможным является последний случай. Так что... подождите, а вот это возможный выход.

Тут Мария вскочила, волосы её развевались, как будто из-за сильного ветра:

– Я?! Я никогда!! Как вы могли такое только подумать?!?! – Она выхватила палочку и, прежде чем её кто-нибудь смог остановить, заговорила – Я, Мария-Анна, урождённая в семье баронов Холк, клянусь своей жиз...

В этот момент отец смог выхватить свою палочку и сбить Марию с ног. После этого он подскочил к ней и помог подняться. Убедившись, что она не пострадала при падении, отец отвесил себе звучный подзатыльник. Я аж открыл рот от удивления.

– Прости, Мария. Я не подумал о том, как ты можешь понять мои слова. Нет, речь шла только о том, что мы с Еленой подпишем магическое распоряжение, в котором назначим тебя опекуном Сержа в том случае, если с нами что-то случится. Если магия рода Ривас признает данное распоряжение, то после истечения его срока я, скорее всего, смогу отдать частицу магии рода тебе в приданное в качестве платы за готовность принять на себя эти обязанности.

Конец воспоминания.

Кстати, обо всех опасностях, связанных со злоупотреблениями опекунов, мне тоже рассказала Мария. Наконец-то мне стала понятна слишком эмоциональная реакция на моё мгновенное согласие признать её своим опекуном.

Да, и насколько я понимаю, распоряжение то ли не было выписано, то ли не было признано магией Ривас.

Вторым важным моментом необходимо признать информацию об иерархической системе данного мира. Итак, территория мира поделена между государствами. Форма правления абсолютная или конституционная монархия. Существуют как дворяне-маги, так и дворяне-немаги, но вторые мечтают всеми судьбами стать первыми. Общее название всех магов, употребляемое магами, лервы. Однако сами неодарённые не любят это название, считая его презрительной кличкой. За время мировой истории (сейчас, кстати, идёт шесть тысяч сто восемнадцатый год с момента сошествия богов) было немало попыток «поставить магию на службу человечеству», а попросту закабалить магов. Раньше эти попытки разбивались о «техническое превосходство» магов и наличие Грани, куда нет доступа неодарённым людям. Сейчас же мир неодарённых прогрессирует, а магический мир регрессирует. Подробностей прогресса и регресса Серж не знал, просто однажды он стал свидетелем разговора своего отца с шевалье Джорджем Кантебри.

Воспоминание:

– Что ты такой взвинченный, Джордж?

– Эти лервы вообще обнаглели. Только представь, я вынужден закрывать свои текстильные мануфактуры, потому что этот лерв, Том Галан, производит сукно дешевле, чем я.

– А почему у него дешевле?

– Потому что он испохабил землю своими ужасными дымящими электростанциями, а не пользуется накопителями, использует ручной труд или машины там, где я использую магию. Там, где у меня работает два мага, у него трудится сорок лервов. И это ему обходится дешевле!

– Так тоже используй лервов, построй электростанции, применяй магию только там, где без неё не обойтись. В конце концов маги всегда использовали лервов, где это было дешевле.

– Но тогда я попадаю в зависимость от технологий лервов.

– Ты преувеличиваешь.

– Стефан, да оглянись ты! Мир бесповоротно меняется. Лервы учатся, причём успешно учатся, обходиться без нас. Ещё двести лет назад все крупные состояния были в руках магов, а сейчас, например у нас в Бритстане, из двухсот крупнейших состояний двадцать восемь принадлежит лервам! А ты не хуже меня должен помнить теорию Смита – экономическая власть неизбежно становится политической. И что тогда? На Грань теперь не сбежишь, да и союзников оттуда не привлечёшь. Лервы развиваются, строят всё новые мануфактуры, а мы чем занимаемся? – тут он изменил голос, явно кому-то подражая: – «Представляете, если при произнесении этого заклинания повернуть палочку вот так, то шерсть собачки станет розовой». Это же бред! И на это ушло полгода исследований не самого глупого мага!

– Успокойся, Джордж. Лервы ещё очень долго, возможно всегда, будут уступать нам в трёх важнейших областях: военное дело, шпионаж, медицина. И пока один боевой маг способен отправить в небытие бригаду лервов, усиленную артиллерией, положению магов ничего не угрожает.

– Вот, ты сам сформулировал главную опасность. Магия уходит из мира. Сколько там осталось владений, не потерявших связь с источниками магии? Двести? А в скольких из них остались работающие проходы на Грань? Не помнишь? В трёх, всего в трёх. А сколько проходов на Грань вообще осталось? Не знаю, но знаю, что старые, действовавшие не одно тысячелетие проходы закрываются. Вот ты говоришь: «боевые маги». А знаешь, сколько выпускников этого года сдали экзамен на боевого мага? В Бритстане – двое, а в твоём Белопаypse – ни одного!

Тут к ним подошли дамы и разговор прервался.

Конец воспоминания.

Так что вполне возможно, что уже через несколько сотен лет неударённые таки подчинят магов. Правда непонятно, что они потом с этой победой будут делать, но людям, особенно неударённым, не присуще задумываться о чём-либо отдалённом во времени.

Аристократическая иерархия имеет следующий вид:

1. Короли. Правители государств. Все их дети носят титул принцев. Потом один из них становится следующим королём, а потомки остальных – графами.

2. Герцоги. Их наследники носят титул маркиза, а остальные дети – нетитулованные наследные дворяне.

3. Графы. Их наследники носят титул виконта, а остальные дети – нетитулованные наследные дворяне.

4. Бароны. Их наследники носят титул шевалье, а остальные дети – нетитулованные наследные дворяне.

5. Нетитулованные наследные дворяне. Получают перед фамилией приставку «де-».

6. Лица, обладающие ненаследуемым дворянством. Получают перед фамилией приставку «фон-».

Все неударённые дворяне принадлежат к пятой и шестой категории.

Иерархия же магических семей по силе выглядит следующим образом:

Древнейшие и благороднейшие дома (к ним относится и дом Ривас) – рода, имеющие родовую магию и манор на Грани, с которым есть постоянная связь. Ещё их называют «первородными».

Древние благородные дома – рода, имеющие родовую магию, но либо потерявшие связь с манором на Грани, либо никогда его не имевшие. Ещё их называют «высокородными».

Древние магические дома – рода, имеющие пробудившийся алтарный камень, но не имеющие родовой магии. Ещё их называют «родовитыми».

Магические дома – рода с непробудившимся или когда-то утерянным алтарным камнем. Ещё их называют «благородными».

Род, пробудивший алтарный камень, может претендовать на титул.

Третьим же интереснейшим моментом, который вдобавок вынудил меня внести определённые коррективы в мои планы на будущее, стала информация о подготовке к школе и о магических выбросах.

Я точно помнил, что в мире графа Ашениаси первым признаком будущего мага является магическое зрение, появляющееся у некоторых при рождении, но у большинства – к трём годам. Определяют появление магического зрения по токам магии вокруг глаз. Магический резерв ребёнка стабилизируется к десяти годам. В эти годы он растёт скачками от полпроцента до двух процентов от имеющегося объёма за раз, и как ты ни изгаляйся, чаще, чем заложено магией, эти скачки не будут. После этого он растёт в течение всей жизни, интенсивность роста зависит от прилагаемых усилий и врождённых особенностей. Понятие «магический выброс» для меня было явно новым.

В этом же мире дело обстояло совсем не так. Во-первых, единая шкала измерения магической силы отсутствовала, от слова «совсем». Все критерии, которые были в памяти Сержа, отличались крайней размытостью: «много», «мало», «начальное заклинание», «продвинутое заклинание» и так далее. Во-вторых, магического зрения у магов не было. Конечно, считалось, что некоторые потомственные артефакторы им обладают, но на уровне слухов. По крайней мере Сержу это точно не было известно. В-третьих, из-за отсутствия магического зрения было неизвестно, растёт ли резерв ребёнка в первые годы жизни и если растёт, то каким образом. Понятно только то, что резерв в эти годы катастрофически мал. В-четвёртых, магия ребёнка стабилизируется к двенадцати годам и тогда же происходит резкое, скачкообразное увеличение резерва, которое носит название инициация. Само название «инициация» говорит о приобщении одарённого к магии, именно после инициации одарённый получает возможность использовать магию целенаправленно и осознанно. Увеличение резерва – просто приятный бонус к этому факту. Проходит первая инициация в произвольный день обычно в пределах трёх месяцев в ту или иную сторону от двенадцатилетия. В дальнейшем есть ещё инициации, но Серж не знал подробностей. Для него это было слишком далеко. В-пятых, у всех магически одарённых детей до двенадцати лет есть выбросы магии. Они происходят спонтанно, их частота зависит от темперамента ребёнка и сила – от силы испытываемых им эмоций. Выброс – исключительно разрушительное действие, поэтому в детских комнатах магов мало окон и мебели. Мощностность выброса неизвестна, опять же из-за отсутствия шкалы измерения магической силы, но, если судить по воспоминанию Сержа, маленькая девочка при выбросе полностью, в щебень разрушила двухэтажный кирпичный дом, правда не укреплённый магией. На чистой силе без направления и оформленного желания. Это... внушает. Боюсь ошибиться, но это явно больше ста единиц. Да, и ещё о выбросах. Если верить информации Сержа, корреляции между мощностностью всплесков и будущей силой мага не обнаружено.

После наведения порядка в голове я с некоторым удивлением и с большой радостью обнаружил, что и тело стало меня слушаться без каких-либо нареканий. Так что я попросил медсестру, явившуюся на вечерний обход, пригласить ко мне доктора. Тот пришёл буквально через несколько минут.

– Серж, у вас что-то случилось?

– Случилось, доктор. Я чувствую себя великолепно и хотел бы поговорить о моей выписке.

– Серж, всё не так просто...

– Я понимаю доктор, что здесь я защищён, а снаружи могут найтись люди, желающие присвоить меня себе. – Имён ни он, ни я не называли, но подразумевалась тётя Жаннетт. – Поэтому я бы хотел спросить вас о следующем: возможно ли меня выписать, чтобы я смог попасть на заседание Высшего суда Белопайса по поводу опеки надо мной. Ведь я правильно помню, что это заседание состоится через шесть дней?

– Ну, уже почти через пять, а так ты абсолютно прав. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы ты к этому моменту был признан здоровым.

Он уже повернулся, чтобы уйти, когда я его окликнул:

– Доктор, скажите, а почему вы на стороне Марии?

Он снова обернулся ко мне:

– Странно, я думал, что для того, чтобы это понять, достаточно моей фамилии.

Мне стало очень стыдно. Действительно, Серж ведь знал, что сестра его матери вышла замуж за человека по имени Анри де-Жильбао, но вот понять, что из этого что-то следует, абсолютно не удосужился. Я начал сбивчиво извиняться, но де-Жильбао прервал меня:

– Серж, совершенно не стоит просить прощения. Я сам виноват: не сообразил, что на вас в эти недели слишком много навалилось для того, чтобы помнить имя не кровного родственника, которого вдобавок ещё и ни разу в жизни не видел.

В итоге, мы проболтали с ним ещё полчаса. Он происходил из древнего благородного дома, который никогда не имел доступ на Грань. Сам он был младшим сыном и надеялся, что алтарный камень рода позволит активировать камень уже его семьи. Сам ритуал активации алтарного камня новой семьи несложен. Тут главное – добрая воля делящейся магией семьи. После выделения семья доктора будет вынуждена поменять фамилию. Новая фамилия проявится на алтарном камне сразу после успешного ритуала. Жена доктора Анри (он сам предложил мне так его называть, пошутив, что уж это имя с ним останется на всю жизнь), моя тётя по матери Юлия, всего месяц назад родила девочку. Это второй официальный ребёнок у доктора Анри. Первым был мальчик, которому сейчас два с половиной года. Мы договорились с доктором, что я обязательно вместе с Марией посещу его дом, когда вопрос опекуна будет решён.

Глава 4

Мария прибежала ко мне ещё даже до завтрака:

– Серж! Какие замечательные новости мне сообщил доктор де-Жильбао! Он сказал, что ты уже чувствуешь себя совсем здоровым и даже его диагностические заклинания не находят никаких отклонений у тебя. Это правда? Ты не притворяешься? Может быть, тебе просто надоела больница? Серж, к своему здоровью надо относиться очень бережно. Ведь помнишь: «Лучше полежать в постели один лишний день сразу, чем целую неделю потом».

Я же вспоминал, откуда пошло это выражение. Так говорила моя мама самой Марии, когда та слегла с какой-то непонятной простудой и доктор рекомендовал ей лежать пять дней. Конечно же Мария не выдержала, на третий день сбежала и, естественно, свалилась с рецидивом. В итоге мама приковала Марию к кровати на цепь, заканчивающуюся ошейником для пленных магов. Просто больше ничего подходящего, чтобы она снова не сбежала, под рукой не оказалось. Вспомнив, как Мария потом гордо отказывалась снять этот ошейник и как мама просила у неё прощения, я засмеялся. Кстати, я так и не видел, когда она его всё-таки сняла. Я задал этот вопрос Марии и с изумлением наблюдал, как она мгновенно покраснела:

– Ничего интересного. Твой отец пришёл, отругал нас обоих, прогнал Елену и отобрал у меня мою прелесть, заявив, что такие опасные вещи для забав не используют.

Я снова расхохотался. Я ничего не мог с собой поделаться. Мария надула губки:

– Тебе смешно. А мне знаешь, как понравилось?

– Понравилось что?

– Ощущение, когда ошейник снимали. Представляешь, ты отсечён от магии, совершенно беспомощен и вдруг в тебя вливается родная сила. В этот момент ты действительно ощущаешь себя всемогущим.

– Ну, тогда я могу только повторить слова моего отца: такие опасные вещи для забав не используют. Ты же не знаешь, да и никто, наверное, сегодня уже не знает, какие отрицательные последствия для энергетики мага может иметь этот артефакт. Ведь тот, кто его создавал, явно о здоровье скывываемого заботился в последнюю очередь.

– Да? Ну и боги с ним. Серж, я бы хотела серьёзно с тобой поговорить.

Похоже, действительно разговор предстоит серьёзный. Мария перестала улыбаться и вытянулась в струнку, сидя на моей кровати. Да и веселье её, я вдруг осознал, с самого начала было напускным. Я тоже сосредоточился, приготовившись выслушать какие-то неожиданные и, скорее всего, неприятные вещи.

– Серж, ты помнишь наш разговор про опекунство и про детей опекуна?

– Ты о том, что если у тебя родится ребёнок в то время, когда ты будешь моим опекуном, ты начнёшь тянуть магию из рода Ривас не только на ребёнка, но и передавать её алтарному камню своего рода?

– Да. Видишь ли, Серж, я уже не молода. Мне двадцать пять лет (Двадцать пять? Вот ещё одно доказательство, что траур и душевные переживания не красят женщин.) Барон Тодт... мы давно любим друг друга. Но он из магического дома. Моя магия и даже магия моей семьи могут дать ему меньше, чем другая претендентка на звание его жены. Поэтому раньше мы даже не помышляли о свадьбе. Но если я стану твоим опекуном, то магия рода Ривас... словом Георг проводил для своей семьи расчёты, и получалось, что этой подпитки будет достаточно для пробуждения алтарного камня семьи Тодтов. Но я не хочу так. Поэтому Я... я решила так. Я выйду из семьи Холк, рожу ребёнка от Георга, но замуж за него не пойду. Ведь для магии Ривас расход на одного ребёнка совершенно неощутим. Так будет лучше всего. Для всех.

Я слушал её, постепенно успокаиваясь. Ничего страшного не произошло, просто обычный предсвадебный мандраж, как говаривал Петес Бокс, мой знакомый, учившийся на два года

старше меня. Он был знаменит тем, что у него была «располагающая внешность». Располагающая к тому, чтобы все окружающие девчонки бежали плакаться к нему в жилетку при любых неприятностях. Ничего удивительного, что он к окончанию университета стал прожжённым циником и пошёл работать в отдел дознания Имперской безопасности. О! Первый человек из моего прошлого, которого я смог вспомнить в таких подробностях. Как он там говорил справляться с такими истериками? Во-первых, не молчать, во время молчания она только ещё больше себя накрутит, во-вторых, ошеломить резким переходом, ну, а в третьих, утопить её в мелких деталях, тут главное самому не утонуть. Приступим:

– Зная тебя, я уверен, что подвенечное платье ещё не готово и приглашения не только не разосланы, но даже и не написаны. Ты когда собралась этим заниматься?

– Серж, я же сказала, что свадьбы...

Я взмахнул рукой, призывая её к молчанию. К моему удивлению, она послушалась.

– Я не хочу это даже обсуждать. Мария, ещё пара фраз в том же духе, и я окончательно поверю в то, что из нас двоих именно я являюсь взрослым ответственным человеком.

Со стороны эта сцена выглядела, наверно, прикольно. Маленький мальчик, лёжа в кровати, отчитывает взрослую тётеньку. Подавив неуместный пока смешок, я продолжил:

– Если ты подумает, то обязательно поймёшь, что твоя свадьба выгодна не только тебе и твоему жениху, но и мне. Ты что, не понимаешь, что замужняя магичка имеет гораздо больше шансов получить опеку. – Мария с изумлением посмотрела на меня, очевидно, этот аргумент не приходил ей в голову. – И потом, ты сидишь здесь уже пятнадцать минут, а я ещё до сих пор не получил отчёта о твоей поездке в Брюссель. Как это называется, а?! – Последнее предложение я произносил, повышая голос, но на последнем «а» голос неожиданно сорвался и я «дал петуха». Я был сконфужен, мелькнула мысль, что все мои усилия по приведению Марии в норму пошли прахом, но, по счастью, я ошибся. Мария закрыла лицо руками, её плечи задрожали, и не в силах больше сдерживаться, она повалилась на мою кровать, безудержно хохоча. Сквозь смех можно было разобрать слова: «отчёт», «Брюссель», «шансы». Успокоилась она лишь минуты через три и тут же притянула меня к себе, расцеловала в обе щёки и крепко обняла:

– Серж, спасибо, спасибо, спасибо! Ты просто не представляешь, что сейчас для меня сделал! – она отпустила меня и пристально посмотрела мне в глаза. Она просто лучилась радостью. Вдруг она как-то странно замерла, на лбу появилась морщинка. Я понял, что сейчас могут последовать расспросы и подозрения по поводу моей слишком «взрослой» речи и выпалил:

– Вот теперь я вижу, что тебе всего двадцать пять, а то уже начал сомневаться.

Мои жалкие потуги на переключение внимания неожиданно для меня сработали, и Мария оказалась сбитой с мысли. Она оглядела комнату в поисках зеркала, естественно, ничего не нашла, хотела уже встать, но передумала и всё-таки задала мне вопрос. К моему облегчению, он был не совсем тот, которого я боялся:

– А что ты такое говорил о преимуществах замужней магички перед холостой? С чего ты это взял?

Тут уже паузу на раздумья пришлось взять мне. У меня откуда-то была твёрдая уверенность в том, что опеку охотней предоставляли семейным, нежели холостым родственникам. Но может быть, это воспоминание о мире графа Ашениаси и здесь дела обстоят по-другому? Я постарался как можно естественней изобразить святую наивность:

– Не знаю, мне просто так показалось. Разве семейные люди не считаются более основательными и надёжными?

Очевидно, мой ответ успокоил Марию. Она снова прижала меня к себе, хотя и с намного меньшей силой:

– Если и есть такое, я об этом не слышала. В расчёт берётся только степень родства, происхождение и магическая сила претендентов.

Я прикинул про себя, что по всем трём показателям тётя Жаннетт превосходит Марию. Моё присутствие на заседании из «желательного» превращалось в «обязательное». Мария же бережно опустила мой торс обратно на кровать (хотя я и сам уже мог бы это сделать), встала и, вытащив палочку, произнесла заклинание. Из палочки вырвался светло-голубой дым, который, стусившись, превратился в небольшое зеркало. Мария критически осмотрела себя со всех сторон, тяжело вздохнула, взмахом факира развеяла зеркало и примерилась опуститься обратно ко мне на кровать, но я решительно возразил:

– Мария, у тебя сейчас достаточно хлопот и без того, чтобы сидеть здесь и развлекать меня.

– Ты меня прогоняешь?

– Ну разумеется, да!

– А как же отчёт вашей верной агентши, тьфу, агентессы?

– Отчёт подождёт до завтра, а вот отдых и приготовления к свадьбе – нет. И смотри, – я погрозил ей пальцем, – не перепутай порядок действий. Сначала – отдых, потом – дела.

Мария присела в глубочайшем книксене:

– Как будет угодно молодому господину.

После чего выпрямилась, засмеялась, послала мне воздушный поцелуй и убежала. Я же задумался. Если Тодт – барон, тогда почему у него нет алтаря рода? Неужели предки нынешнего барона совершили какое-то преступление против магии? Этот вопрос я решил отложить на потом.

Сразу после завтрака пришёл доктор Анри с двумя новостями. Первая – мне выдают одежду, и я смогу гулять в парке, расположенном за больницей. На мои слова, что гулять меж зимних деревьев – занятие не самое вдохновляющее, он успокоил меня, сказав, что в парке очень много вечнозелёных и хвойных деревьев, кстати, как раз именно из тех соображений, которые выдвинул я. Вторая – консилиум по моей выписке состоится девятнадцатого декабря. Я отметил про себя, что доктор смог идеально подобрать момент консилиума. Его вердикт я получу вечером, перед днём суда. Не высказывая своих догадок вслух (и так для десятилетнего мальчика поведение у меня слишком взрослое), я поблагодарил доктора за прекрасные новости.

Одежду мне принесла незнакомая мне неударённая женщина в тёмно-синей униформе. Поблагодарив её, я внимательно осмотрел свою одежду. В магическом зрении были видны прикрепленные к одежде три артефакта, магия в которых прослеживалась лишь на уровне остаточных следов. Разложив одежду на столе, я начал разбираться с тем, что мне досталось. На то, чтобы понять функции каждого из артефактов, мне потребовалось минут сорок. Первый из них выглядел как матовая металлическая пластинка, покрытая рунами. Он крепился к одежде с внутренней стороны и отвечал за защиту от нападений. У данного артефакта, в отличие от двух других, накопитель был не встроенный, а отделяемый. Наверное, чтобы можно было, при необходимости, вынуть один и вставить другой. Накопитель вставлялся в его верхний левый угол, закрывался специально предусмотренной для этого крышкой и представлял собой прозрачный зелёный камешек, размером с кукурузное зерно. Объем накопителя – семьдесят две единицы. Второй был в виде костяной камен в серебряном обрамлении. На камее был вырезан какой-то спрут, опознанный Сержем как Морозко. Артефакт создавал для пользователя комфортные условия (защищал от холода и жары). Внутренний резерв камен – тридцать шесть единиц. Третий позволял несколько усилить органы чувств (зрение, слух, обоняние) и был в виде булавки из какого-то сплава, скорее всего, с большой долей меди. Головка булавки – серебряная. На булавке был вытравлен какой-то узор. Мне стало понятно, откуда в памяти Сержа так много разговоров взрослых и я с уважением покачал головой. Провозившись ещё минут двадцать, я смог настроиться на зарядку накопителя «шпионского» амулета (резерв – восемнадцать единиц), оделся и пошёл гулять.

Хоть я и попрошался с Марией до завтра, она пришла тем же вечером, выставляя перед собой как щит пакет с восхитительными маленькими воздушными пирожными. По её просьбе медсестра принесла нам чай, и мы с комфортом устроились за столом в моей палате. После обсуждения погоды: «Не правда ли, солнце и лёгкий мороз великолепно подходят к ожиданию Нового года?», Мария похвасталась мне, как она съездила в Брюссель:

– Серж, ты такой умница! Представляешь, меня даже сначала не хотели принимать. Я несколько часов провела в канцелярии, пока, наконец, начальник секретариата суда, лерв Кронк, не снизошёл до разговора со мной. Он даже не предложил мне присесть и сразу сказал, что у меня не более двух минут. Но когда я показала ему твою волю, он тут же буквально выхватил у меня этот листок и куда-то убежал, забыв даже выставить меня из кабинета. Вернулся он только минут через сорок и был сама любезность. Он извинился, что заставил меня ждать, попросил у меня оставить ему этот листок до завтра и чуть ли не умолял меня войти в его положение и явиться завтра к шестнадцати часам. Вторая встреча была очень короткой, меня встретили все члены суда и заверили, что они в первую очередь будут учитывать твои интересы.

– Ну что ж, это доказывает только одно: я обязан присутствовать на этом суде лично. Скажи, Мария, а для принятия титула маркиза Ипрского я должен что-то официальное сделать?

– Ну... завещание твоего отца уже вскрыто, представитель геральдической палаты при этом присутствовал... не знаю, надо спросить Георга.

Мария помолчала и вдруг предвкушающе улыбнулась:

– Угадай, какой подарок я сегодня тебе приобрела?

– Даже представления не имею.

– Ну, а если подумать? Попробуй, а то не отдам.

– Приглашение на твою свадьбу?

– Ну... подумай ещё.

– Жареные земляные орехи (это было любимое лакомство Сержа)?

– Не угадал.

– Книга?

– Верно, а какая?

Тут мне фантазия отказала напрочь. Помучив меня ещё немного и сдавшись на варианте «Свод законов Белопайса», Мария протянула мне книгу в яркой обложке, на которой был изображён мальчик, одной рукой выпускающий из своей палочки тёмно-красные лучи, а другой – прижимающий к своей груди дракончика. Книга называлась: «Спасти дракона»

Мы ещё поболтали о разных пустяках, и Мария ушла.

* * *

Следующие несколько дней, до консилиума, мой распорядок дня был следующим: после завтрака ко мне приходила Мария и мы с ней немного гуляли по парку. Потом я уходил в гимнастический зал, где со мной проводили физиопроцедуры. Потом я был предоставлен самому себе и проделывал упражнения на развитие своей энергетики и продолжал организовывать свою память. В конце концов, чем лучше у тебя организован мозг, тем меньше времени и энергозатрат тебе требуется на то, чтобы творить магию. И здесь я не имею в виду заклинания, хотя и на их использовании правильная организация мозга сказывается благотворно. Занятия прерывались только на обед. Перед ужином ко мне заходил доктор Анри, проводил обследование и мы немного говорили о методах лечения. Я уже упоминал, что граф Ашениаси проводил в больницах довольно много времени, и я надеялся, что рассказы доктора подтолкнут мою память. Кое-какие вещи я и правда вспомнил, но ничего полезного хотя бы в ближайшей

перспективе не вскрыл. Зато некоторые приёмы, используемые уже местными медиками, мне удалось запомнить. Возможно, пригодится.

К концу третьего дня, в результате упорных тренировок, мой резерв вырос на... барабанная дробь... ноль целых ноль десятых. Как говорится: а ты что думал – в сказку попал? Но энергоканалы начали развиваться, что и было, в общем-то, моей целью.

Глава 5

Утром девятнадцатого доктор Анри проводил меня на консилиум.

В зале за столом сидели четыре незнакомых мне врача. Доктор Анри скромно сел в уголке. После взаимных представлений начался осмотр. Трое докторов «отстрелялись» довольно быстро: использовав на мне не менее десятка различных заклинаний, они важно, вполголоса (я даже не стал активировать артефакт) что-то обсудили, после чего поклонились мне, я поклонился им в ответ – и они уселись обратно на свои места. За меня же взялся четвёртый, Этьен де-Сафо.

Задав мне несколько общеобразовательных вопросов и логических задач, он замолчал, пожевал губами и спросил:

– Первородный маркиз Ипрский, не мучают ли вас кошмары?

– Нет.

– Вам нравится у нас в больнице?

– Да.

– И что, совершенно не скучно?

– Ну, скучать мне особенно некогда.

– И чем же вы занимаетесь?

– Простите доктор, но это дела рода.

– А чем вы собираетесь заниматься? Назовите несколько дел, которые не являются родовыми.

Я ненадолго задумался. Что можно сказать из намеченного мною, что не будет секретным? Доктор Этьен де-Сафо молча ожидал моего ответа. Наконец я выбрал:

– Отдать долг памяти родителям, разобраться с моим обучением, устроить, пусть и запоздалый, но праздник на свой день рождения.

Доктор Этьен де-Сафо немного ошарашенно посмотрел на меня, но говорить ничего не стал. Обменявшись со мной поклонами, он присоединился к коллегам. Тут же доктор Анри подошёл к ним, дождался кивков от всех четверых (мне показалось, или доктор Этьен де-Сафо немного помедлил перед кивком?), повернулся ко мне и провозгласил:

– Первородный Серж Ривас, маркиз Ипрский, наследник герцогства Ривас, решением консилиума парижской больницы имени Авиценны вы признаёте полностью здоровым!

Я поклонился и поблагодарил собравшихся. После чего мы с доктором Анри покинули зал. За дверями доктор Анри спросил меня:

– Найдёшь дорогу до своей палаты?

Я уверил его, что найду, и был отпущен со словами, что как только все формальности будут улажены, он уведомит Марию и зайдёт за мной.

Бюрократическая волокита затянулась на несколько часов. Если бы меня в тот момент спросили – скучно ли мне, ответ был бы положительным. Проводить полноценные тренировки я посчитал невозможным, поскольку не знал, когда закончится ожидание. Попробовал почитать книгу, принесённую Марией – книга показалась мне нудной и неинтересной. Так что большую часть времени я занимался уже немного опостылевшим мне подробным разбором воспоминаний Сержа. Перед обедом неодарённая работница больницы уложила и унесла куда-то все мои вещи из палаты.

Зашли за мной уже после обеда. Бросив последний взгляд на палату, я вышел. Доктор Анри вручил мне документы о моей выписке, и мы пошли к главному выходу. Тут я ещё не был. В холле нас ожидала Мария. При виде нас она заулыбалась и быстрым шагом пошла нам навстречу.

Доктор Анри попросил меня оставаться на месте, а сам взял Марию за локоть и отвёл немного в сторону. Я активировал амулет:

– Мария, Серж физически абсолютно здоров, но вот нашему мозгоправу не понравилось его чересчур спокойное отношение к факту своего сиротства...

На этих словах я внутренне застыл и мне ужасно захотелось расколотить своей дурной головой что-то, желательно ворота вражеской крепости или ещё что-нибудь такой же прочности. Демоны, я ведь ребёнок, только недавно потерявший родителей! А веду себя так, как будто ничего не произошло. Да после такого меня не к психологу должны направлять, а прямиком в палату с мягкими стенами! Вот это прокол! И как теперь его исправлять – не имею ни малейшего представления. Придётся срочно прошерстить всю свою память на предмет моих взаимоотношений с родителями. Да и сам граф Ашениаси потерял родителей и единственного по настоящему родного человека – деда. Может быть, я-граф уже бывал на приёмах у психологов и память расщедрится хоть на какие-нибудь методики их работы? Поток моих панических мыслей прервала Мария:

– Доктор, я не хотела вам этого говорить, но родители Сержа относились к нему... неправильно, поэтому он вполне мог не воспринять их смерть как трагедию.

– Неправильно?

– Я бы не хотела показывать даже минимальную нелояльность роду Ривас.

– Прости, Мария. Ты совершенно права.

Они подошли ко мне. Я деактивировал артефакт. Мария встала за моей спиной, а доктор Анри церемонно поклонился:

– Первородный Серж Ривас, маркиз Ипрский, наследник герцогства Ривас, я благодарен за честь с вами познакомиться и надеюсь, что после завершения своих дел вы посетите мой дом.

Я принял предложенный мне тон. Мой лёгкий поклон абсолютно соответствовал этикету:

– Доктор Анри де-Жильбао, урождённый в семье баронов Жильбао, я был счастлив познакомиться с вами и с удовольствием принимаю ваше приглашение.

Мария совершила книксен, и мы вышли из больницы на улицу. Там нас ждала карета с незнакомым мне гербом. Устроившись поудобнее, я поинтересовался у Марии:

– Куда мы направляемся?

– К порталу. Нас уже ждут в Брюсселе.

– А чья это карета?

– Графа Манс, друга Георга.

– В Париже ты жила у него?

– Да, в его доме в Париже постоянно проживает его тётушка, так что все приличия были соблюдены. У Юлии... у де-Жильбао, мне было бы не так удобно.

– Почему?

– Видишь ли, дом сейчас перестраивается, чтобы в нём можно было хранить алтарный камень. Так что жилой там сейчас является только одна пристройка.

– А как же твоя сестра с двумя маленькими детьми?

Мария посмотрела на меня с некоторым недоумением:

– Юлия сейчас гостит в замке баронов Жильбао. Ведь ей...

Я прервал её жестом, догадавшись о причине. Действительно, если ребёнок в первые месяцы жизни берёт энергию через посредничество матери у алтарного камня, то матери лучше находиться как можно ближе к нему.

* * *

Портал находился в здании и представлял собой большую комнату, на полу которой был нанесён сложный рунический узор. В центре комнаты находился стеклянный столб, внутри которого клубился практически бесцветный дым. Пока мы шли до комнаты портала, я высматривал резервы всех встречаемых одарённых и сделал вывод, что двадцать – сорок единиц – это вполне обычный резерв для взрослых магов этого мира. Одна из работниц портала обладала резервом вообще в пятнадцать и семь десятых единицы – ровно столько же, сколько было у меня при поступлении в школу! Также я так и не встретил никого, кто бы скрывал свой резерв. Палочками пользовались все абсолютно.

Перемещаемые должны были встать вокруг столба, так, чтобы никакая часть тела не оказалась за границей невысокого бортика вокруг него. При активации дым внутри столба стал закручиваться против часовой стрелки. По мере ускорения в нём появлялось всё больше сверкающих песчинок. После того, как начал сверкать, казалось, весь столб, по бортику стали пробегать молнии. В какой-то момент молнии распрямились, создав непроницаемый полог. Раздался громкий треск, и молнии пропали. Туман в столбе продолжал вращаться, но сверкание исчезло. Вся эта процедура заняла около пятнадцати минут. Да, или у меня разыгралась фантазия, или порталы в мире графа Ашениаси работали совершенно по-другому.

При выходе из здания портала нас попытались разлучить. Пересыпая свою речь многословными извинениями, работник таможни попросил Марию пройти в кабинет к начальству, якобы для выяснения какого-то пустякового вопроса, связанного с её прошлой поездкой. Мне же он предложил пройти выпить какао. Скорее всего, если бы не был назван любимый напиток Сержа, являющийся довольно редким и дорогим, я бы ничего не заподозрил, но сейчас мною было выражено твёрдое желание остаться с Марией. Настаивать на своём таможенник не решился. В кабинете оказалось, что из-за халатности работников таможенной службы сведения о перемещениях Марии оказались утерянными. На её резонный вопрос – а нельзя ли запросить эти данные непосредственно у магов портала – последовал ворох словесной шелухи, в котором рисковали запутаться и люди куда опытней, нежели Мария или я в своём нынешнем состоянии. Но когда где-то минут через десять мне снова предложили попить какао, я уже не сомневался, что основной целью данного спектакля было оторвать Марию от меня. Зачем – я не знал, но идти на поводу у тётки Жаннетт (я не сомневался, что за этим стоит она) не собирался. Поэтому я мужественно прождал ещё около получаса, пока все формальности оказались улажены.

Выйдя из здания портала, мы направились в гостиницу. Приведя себя в порядок в своих номерах и наскоро поужинав, мы пришли в номер барона Тодта. Нас уже давно ждали. В номере находился барон Тодт, адвокат Тодтов, Карл де-Сант, адвокат Холков Антуан де-Мотэ и неодарённый молодой человек, оказавшийся секретарём суда Белопайса со стороны Марии господином Юргеном Клоппом. Я сопоставил этот факт с наличием неодарённого персонала в больнице и сделал для себя ещё одну зарубку в памяти – неодарённые привлекаются в дела магов, пусть и на технических должностях.

Я решил в данном разговоре придерживаться тактики: «молчи – сойдёшь за умного», сел в кресло и постарался стать как можно незаметнее. И не прогадал. В разговоре выплыло немало интересной для меня информации:

По суду. Должность судьи – пожизненная. Суд состоит из десяти человек. Из них тайным голосованием сроком на десять лет выбирается председатель. Председателем суда в настоящий момент является граф Гент из Древнего магического дома. Решение принимается большинством голосов. Голосование открытое, за исключением случаев рассмотрения дел, связанных с королевской семьёй, и случая выбора нового члена суда. При равенстве голосов голос

председателя решающий. Суд правомочен, если собралось не менее шести человек. В настоящий момент в суде восемь судей. Двое убито. Одним из них являлся мой отец, которому, как наследнику Древнейшего и Благороднейшего дома, место члена суда предоставлялось по праву рождения. До моего совершеннолетия это место либо должно было пустовать, либо, с согласия всех членов суда, заниматься моим опекуном. Выборы же судьи на освободившееся место другого погибшего в ходе войны члена суда ещё не были проведены.

По титулу маркиза Ипрского. Этот титул уже принадлежит мне по праву «рода и магии». Поэтому титуловаться маркизом Ипрским я могу невозбранно. Но для соблюдения формальностей мне необходимо лично явиться в геральдическую палату и заявить о своём принятии титула перед специальным артефактом. Это решено было сделать до завтрашнего суда.

По награде для меня за спасение детей. На мой недоумённый вопрос: «каких детей», все с изумлением замолчали. Первым, как это ни странно, опомнился неодарённый:

– Первородный Ривас, вы помните, как вы попали в больницу?

– На замок напали возгулы, нас отводили во внутренние помещения. Через несколько минут я увидел, как четверо возгулов идут к нам. При их приближении меня охватил ужас. Я хотел убежать, но не мог пошевелиться. Я захотел, чтобы они исчезли. Очень сильно захотел. А они приближались, неторопливо, как будто давая мне шанс убежать. Когда они приблизились ко мне почти вплотную, я почувствовал тепло. Оно разгоралось во мне. Мне стало жарко, очень жарко. Возгулы приблизились почти вплотную, и ближайший протянул ко мне свои руки. Я выставил свои, которые к тому моменту, казалось, горели. Потом... помню огонь. Много огня.

Я пересказывал воспоминания Сержа и его ощущения полностью безэмоциональным глухим голосом. Внутри меня, казалось, всё застыло в этот момент. По мере того, как говорил, я всё больше выпрямлялся в кресле. Я не понимал, что со мной происходит, но не мог противиться этому состоянию. Взрослые замерли и с испугом глядели на меня. Когда я закончил, Мария вскочила со своего кресла и, подбежав к моему, упала перед ним на колени, обняла меня.

– Серж, Серж, пожалуйста, успокойся. Всё уже позади. Ты спас всех детей, находившихся в Берлагене, поэтому тебя решили наградить. Я так горжусь тобой!

В её глазах стояли слёзы. Внутри меня как будто лопнула какая-то струна, и я смог расслабиться и обмяк в объятиях Марии. Мужчины заговорили между собой, поглядывая на меня. Мне предложили чаю, в который была налита порция успокаивающего зелья. Я отказался и попросил чай без каких-либо добавок. Чай, предложенный мне, залпом выпил барон Тодт. В конце концов все успокоились и адвокат рода Холк рассказал подробности.

– Первородный Ривас, согласно показаниям свидетелей, после падения внешнего периметра было решено отвести детей и слабых магов под прикрытием небольшого отряда сильных магов во внутренние помещения крепости. Вы шли одним из первых, перед вами был только проводник – неодарённый слуга и двое магов. Группа детей зашла в коридор, и в этот момент в другом конце коридора показались возгулы. Они ударили волной страха. Дети побежали от них, и взрослые не могли прорваться к вам. Те же двое, которые были рядом с вами, оказались трусами и тоже побежали. Неодарённый погиб сразу, от этой волны страха. Вы же оставались на месте и смотрели прямо на возгулов, не обращая внимания на то, что вам кричали. Когда возгулы подошли к вам, вы вытянули по направлению к ним руки и с них сорвалась волна... ну правильнее будет сказать, волна искажённого воздуха. Возгулов, попавших под действие этой волны, просто разрывало на части. После этого вы упали на пол без сознания.

– То есть никакого огня не было?

– Нет, огненные заклятия, конечно, действуют на возгулов, но чтобы полностью уничтожить возгула огнём, нужно, чтобы он горел непрерывно более десяти минут.

– А как обычно борются с возгулами?

– Обычно несколько магов окружают возгугла барьером, через который он не может сразу перебраться, и забрасывают его спорами специально выведенного растения, которые, прорастая, за несколько минут превращают его в прах. Ну, или если таких спор под рукой не оказалось, его замораживают и разбивают на куски или сжигают. А вот заклинания против них не существует, и то, что сделали вы, до этого считалось невозможным. Своим поступком вы спасли около пятидесяти детей различных возрастов. Поэтому вас решено наградить орденом Вечерней Звезды. Церемония награждения состоится на большом королевском приёме двадцать девятого декабря.

Я задумался. Очевидно, Серж не воспользовался огненной магией, а преобразовал её в магию пространства. Такой эффект – «волна искажённого воздуха» возникал, к примеру, при применении хаотичного искажения пространства, когда сила пространственной магии выпускалась в определённом направлении без какого-либо её оформления волей мага или заклинанием. И да, любой объект, попадающий в зону искажения пространства, расщеплялся на мельчайшие кусочки. Как применить это хаотичное искажение, схема которого внезапно возникла в моей голове, я знал только в теории, но, пока у меня настолько маленький резерв и неокрепшие неразвитые каналы, пробовать применить что-либо на практике – не рискну.

– И чем же нам поможет награждение, которое состоится уже после суда?

Все присутствующие посмотрели на меня с уважением, а Мария ещё и с гордостью:

– Приятно видеть, что в столь юном возрасте вы уже умеете сосредотачиваться на главном, первородный Ривас. – поклонился мне адвокат, – само награждение, действительно, ничем не поможет, но вот сам факт спасения делает вашими должниками множество людей. Пусть не все они влиятельны, но их количество никому не позволит отмахнуться от их коллективного мнения. А их мнение состоит в обязательном учёте вашей воли при решении вашей судьбы.

Мария подхватила «эстафету» объяснений:

– Видишь ли, Серж, я продемонстрировала твою волю не только членам суда, но и в редакциях всех крупнейших газет. Поскольку речь идёт о наследнике Древнейшего и Благороднейшего рода, никто не отказался опубликовать эту информацию.

– Так что в суд на сегодня уже пришло множество писем с требованием принять то решение, которое поддерживаешь ты, – закончил объяснения барон Тодт.

По соответствию. После того, как я узнал, по каким критериям выбирают опекуна несовершеннолетнего мага из претендентов, меня очень заинтересовал вопрос: на что рассчитывала Мария? Ведь и по степени родства, и по происхождению, и по магической силе тётя Жаннетт имела перед ней преимущество. В этом же разговоре прозвучал термин «соответствие». Преимущество Марии перед Жаннетт состояло в том, что магия Марии соответствовала моей, поэтому мы должны как можно больше времени проводить вместе. Считается, что это важно для гармоничного развития мага до двенадцати лет. Вроде бы установлено, что дети, проводящие много времени до двенадцати лет рядом с теми взрослыми, с которыми их магия совпадает, становятся более сильными. Не знаю, правда это или просто суеверие. Я о таком даже не слышал... ну, или точнее, не помню. Но магическим зрением я никакого соответствия не уловил. Возможно, что лет через – дцать я подробно исследую этот феномен, тогда и буду думать о его возможностях для развития мага. А пока мне достаточно того, чтобы он мне помог ускользнуть от власти тётя Жаннетт, с её какими-то непонятными планами на меня.

Напоследок был решён вопрос о моём участии в заседании. Поскольку мой приезд для тётя Жаннетт уже не являлся тайной, было решено, что я устроюсь на первом ряду, чтобы все члены суда могли меня прекрасно видеть. Поскольку моя воля в отношении моего опекуна была уже известна, моё личное присутствие должно было предупреждать их, что я запомню тех, кто решил выступить против неё. А с учётом того, что рано или поздно я стану совершен-

нолетним и могу им ответить... асимметрично, но адекватно, это было признано совсем не лишним – впрочем, как я и предполагал.

Была уже глубокая ночь, когда мы разошлись. Но перед тем, как лечь спать, я решил выяснить у Марии ещё один вопрос. Зайдя к ней в номер, я спросил:

– Мария, тётя Жаннетт в прошлом часто называла меня выродком. Однажды я слышал, как так же меня называл мой отец. Что означает это слово?

– Понимаешь, Серж, родовым признаком рода Ривас является цвет волос. Уже на протяжении не менее чем пятисот лет, все Ривасы – блондины. Ты же – шатен. Отсутствие родового признака чаще всего означает, что магия рода не принимает этого члена рода, отторгает его. Таких отторгнутых называют выродками.

– Но как же мой статус наследника?

– Вот это одно из тех чудес, которые сможет объяснить только сама магия, если она хоть когда-нибудь удосужится снизить до объяснений. Твой случай уникален.

– То есть магия рода приняла выродка обратно?

– Нет, отторжение магии происходит в двенадцать, до этого единственным показателем, что магия рода не принимает ребёнка, является отсутствие у него признака рода. Но успокойся, теперь, когда ты получил от самой магии статус наследника, никто не сможет назвать тебя выродком.

Уже лёжа в кровати в своём номере, я вспомнил, как определяется это пресловутое соответствие. Ну... что я могу сказать? Артефакт, выглядящий как подсвечник на одиннадцать свечей, только без самих свечей. Просто одиннадцать металлических стержней, десять изогнутых и один, центральный, прямой, расположенных в одну линию и исходящих из центрального, более толстого стержня. Вначале ближайшие родственники ребёнка по очереди берутся за один из крайних стержней, а ребёнок – за другой. Из центрального стержня в момент одновременного прикосновения выходит луч света. Из числа взрослых испытуемых выбирают человека, при испытании с которым свет наиболее яркий. Затем артефакт ставят точно посередине между испытуемыми, сидящими на расстоянии метра два-три друг от друга, и активируют его заклинанием. На концах крайних стержней появляется грязно-жёлтое пламя, которое распространяется к центральному стержню артефакта.

После того как зажётся центральный стержень, пламя в нём как бы «очищается», постепенно становясь синим. После этого уже синее пламя движется обратно к краям артефакта, аналогично изменяя пламя на концах всех стержней по очереди. Степень соответствия магии испытуемых определяют, исходя из времени, необходимого на преобразование пламени, и из того, насколько синхронно пламя «очищается» на обеих сторонах артефакта.

Как мне сказали, скорость у нас с Марией так себе, а вот синхронность – абсолютная.

В чём тут смысл – так и не понял. Феномен соответствия наблюдается только у ближайших родственников, поэтому маленького мага проверяют по очереди со всеми близкими родственниками, соглашающимися пройти этот тест, и выбирают из них как бы няньку.

Между двумя детьми, впрочем, как и между двумя взрослыми, соответствие не выявляется.

Пожалуй, о соответствии всё.

Глава 6

Ночью в гостинице был переполох. Барон Тодт получил от Марии сигнал об опасности через парные артефакты. Прибыв к номеру Марии, он обнаружил, что дверь заперта, а Мария не отзывается. Вызванная служба вскрыла дверь её номера, и оказалось, что Мария лежит в ванной комнате, её дыхание затруднено, а кожа на руке покрылась волдырями. Расследование по горячим следам ничего не установило, однако поднятый с постели главный судмедэксперт Белопайса, чем-то обязанный доктору Анри, рассказал, что несколько лет назад была серия таких случаев. Человек умирал страшной смертью от ожогов, лёжа в ванне, наполненной обычной водой. Однажды, случайно, был схвачен исполнитель, который признался, что к стенке ванной прикреплялся бесцветный шарик, покрытый растворимым в воде желатином. Заметить его практически невозможно. Жертва набирала ванну, ложилась в неё, желатин растворялся, и в воду попадал какой-то алхимический состав, быстро разлагающийся и не оставляющий специфических следов. Несмотря на то, что в руки полиции Белопайса попал образец состава, им так и не удалось расшифровать его компоненты. Удалось только установить, что состав обладал двойным действием: парализация и химические ожоги. Уже через час после начала действия состав полностью разлагался и в воде не оставалось ни малейшего следа его присутствия. Узнав у Марии, что она уже набрала ванну, когда к ней постучался я и мы ещё минут пятнадцать – двадцать поговорили, а потом она попробовала рукой воду, как и получила ожог руки, он заявил, что именно эта задержка и спасла Марию. Во-первых, состав уже частично разложился просто с течением времени и во-вторых, попробовав воду, Мария получила повреждение лишь небольшого участка кожи. К счастью, в нашем случае, здоровью Марии ничего не угрожало, а ожог уже к утру медики смогли свести без следа.

Мне, кстати, о покушении рассказали только на следующее утро, уже после суда.

Проснулся я от того, что дверь в мой номер попросту вынесли. Оказывается, я умудрился так крепко заснуть, что не реагировал ни на звонки, ни на стук в дверь. Кроме того, так как я с утра намеревался обновить колпак, дверь, чтобы мне не помешали, я подпёр стулом. Естественно, ее не смогли с утра открыть. А после ночного переполоха особо разбираться никто не стал и барон Тодт вынес дверь полностью. Кстати, администрация гостиницы оказалась настолько рада, что со мной всё в порядке, что никто даже и не заикнулся о компенсации.

Подновляя колпак, я обратил внимание, что моя память изменилась. Воспоминания участка я-граф теперь не были отделены от участка Серж-ребёнок, а как-то соединились, не нарушая общий порядок, наведённый мною. Однако теперь я не имел такого свободного доступа, как раньше, к памяти Сержа-ребёнка. Любые новые воспоминания, не осознанные мною к этому моменту, оказались слабодоступны, лишь ассоциативный способ что-то давал. Понадеявшись, что в ходе дальнейшей адаптации эта проблема исчезнет, я закончил собираться. Оказалось, что я собирался дольше всех, и мы с трудом успеваем в геральдическую палату и на суд. Но я же не виноват, что с моим резервом мне колпак только обновлять надо минут сорок! Позавтракать в итоге я не успел, пришлось перекусить прямо в карете. В поездке меня сопровождали Мария и барон Тодт. Юристы ожидали нас в суде.

В геральдической палате мы не задержались надолго. Моё вступление в права маркиза Ипрского действительно уже произошло, в геральдической палате я всего лишь дал формальную малую присягу королевскому дому Белопайса. Так что уже через пятнадцать минут мы уже вышли и направились в суд.

В целом было заметно, что Брюссель недавно пережил штурм войсками Бритстана и поспешное бегство остатков оккупационных войск. Следы использования как магического, так и немагического оружия попадались повсюду. Вот большой особняк на одном из бульваров с попросту перекрученными воротами – скорее всего след от использования какого-то воздуш-

ного заклинания. А вот небольшой трёхэтажный дом с магазином на первом этаже, фасад которого явно посечён осколками бомб. Вот следы пуль на фасаде другого здания и тут же впечатанные в мостовую тени людей, испарённых заклинанием некромантии. Вот ещё не стёртый флаг Бритстана, нанесённый с помощью магии на одной из стен, а вот надпись на соседнем доме: «Здесь живут коллаборационисты».

Я ехал по немногочисленным улицам, подмечая следы недавней войны. Я сам не мог разобраться, какие подсказки, объясняющие увиденное, даёт я-граф, а какие Серж-ребёнок.

Сам суд располагался в здании парламента и, как мне объяснили мои сопровождающие, был одним из немногих зданий в центре Брюсселя, абсолютно не пострадавших в результате войны. Суд был переполнен. По-видимому, судьба первородного действительно была интересна многим.

На крыльце нас встретил уже знакомый мне Юрген Клопп, который проводил нас в комнату ожидания. Причём меня опять попробовали отделить от Марии. К нам подошёл какой-то пожилой маг и пригласил меня пройти непосредственно в зал суда и ждать там начала заседания, мотивируя это тем, что Мария является одной из сторон, вот пусть она и совещается со своими адвокатами. Всё это произносилось приторно вежливо, но очень непреклонно. Я никак не отреагировал на его слова и продолжил путь. Задержать меня физически он не посмел. На этом и строился мой расчёт, поскольку Серж помнил, что для того, чтобы преградить путь первородному, надо иметь очень веские основания, и то не факт, что даже они помогут.

Суд открылся выступлением его председателя. Он напомнил собравшимся о подвиге моих родителей, бросившихся в самую гущу сражения с возгулами, о моём подвиге, ознаменовавшемся настоящим чудом в форме полного уничтожения четырёх возгулов одним проявлением магии. Затем рассказал о двух претендентках на роль моего опекуна. Невооружённым глазом было видно, что симпатизировал он тётке Жаннетт. Были многочисленные ссылки на дела об опеке, рассматриваемые в прошлом, где всегда преимущество получали более родовитые. Также был сделан отчётливый акцент на том, что род отца всегда имеет преимущество над родом матери. Про мою волю не было сказано ни слова.

Докладчиком по делу выступал высокородный Пётр Кух, маркиз Эссенский. Его Серж помнил, он неоднократно приезжал к ним в маркизатство, да и сам Серж с родителями бывал в Эссене. Связь с манором Кух прервалась относительно недавно, чуть менее ста лет назад, и маркиз предпринимал отчаянные усилия для её восстановления.

Высокородный Кух перечислил документы, поступившие в суд. В их числе он упомянул, несмотря на явное недовольство председателя, и моё заявление.

Сторона Марии выступала первой. Антуан де-Мотэ изложил ситуацию, связанную с соответствием моей магии и магии Марии и привёл примеры из судебной практики Галлии, Тхиудаланда и самого Белопайса, когда соответствие признавалось главным аргументом в вопросе, кому становиться опекуном ребёнка. Карл де-Сант, в свою очередь, заявил о состоявшейся помолвке между Марией и Георгом и о невозможности для меня до моего совершеннолетия проживать в замке Ипр. А именно такой аргумент был принят высшим судом Тхиудаланда в отношении нынешнего короля Тхиудаланда, а тогда принца Вильгельма чуть более сорока лет назад, когда определялось место его проживания до совершеннолетия: «Раз родовое гнездо для принца недоступно, то и проживать на территории поместья ему не подобает, так как не подобает хозяину поместья проживать в гостевом доме». Суду не понравилось, что с Марией я буду жить за пределами Белопайса, однако зачитанная Карлом де-Сант выдержка из решения явно произвела на них впечатление.

Сторону тётки Жаннетт представлял всё тот же месье Жуль. Его речь явно вышла из-под того же пера, что и речь графа Гент. Только, в отличие от графа, месье Жуль гораздо больше говорил о моём роде и гораздо меньше собственно обо мне. Выступление, как и речь предшествующих выступающих, было буквально нашпиговано ссылками на прецеденты. Наибольшее

впечатление на меня лично произвёл пассаж, что только тётя Жаннетт способна воспитать из меня настоящего герцога. Такое сомнение в моих способностях требовало моей реакции. Но, поразмыслив, я решил не вступать со своими замечаниями, чтобы не нарушать процедуру. А речь месье Жуля всё текла, то ускоряясь, то замедляясь, то поднимаясь ввысь, то падая с высоты и была прекрасным образчиком ораторского искусства. Единственный её недостаток, на мой взгляд – слишком продолжительная. К концу речи месье Жуля, как мне кажется, большая половина собравшихся уже забыла – зачем, собственно, все здесь собрались.

Когда месье Жуль закончил, высокородный Кух даже не сразу понял, что уже, наконец, всё. Осознав же это, он немедленно объявил перерыв. Я вышел из зала. Ко мне тут же направилась элегантно одетая женщина, в которой я с некоторым удивлением, опаской и радостью опознал тётю Женестье, проживающую в Толедо. Опаска была вызвана тем, что Сержу она нравилась и была близка к нему настолько, насколько может быть близок человек, проживающий более, чем в тысяче километров от тебя, а радость – именно этой близостью. Она тепло поздоровалась со мной:

– Здравствуй, Серж. Я рада, что ты наконец поправился. Когда я заезжала к тебе в Париж, врачи не давали гарантий не то что полноценной жизни, но даже и выхода из бессознательного состояния. Как ты себя чувствуешь? Тебя ничего не беспокоит?

Я уверил тётю Женестье в своём прекрасном самочувствии, и мы прошли с ней к диванчику, стоящему в стороне, так, чтобы нам не помешали разговаривать. Она рассказала мне о похоронах моих родителей, о том шоке, который вызвал у окружающих факт, что я признан наследником рода, о новостях и о том, что привело её сюда. Оказывается, тётя Женестье изначально не поддержала Марию в её желании отправить меня на лечение в Париж. Так что Марии пришлось выдержать целое сражение с тётей Жаннетт по этому поводу. А сейчас тётя Женестье приглашена как свидетель, долженствующий поддержать тётю Жаннетт. Про мою волю она узнала уже на самом заседании и решила найти меня, для того чтобы выяснить подробности. Я подтвердил слова высокородного Куха о том, что мои предпочтения в выборе опекуна – Мария, и тётя Женестье обещала, что хотя она и не считает это правильным, поскольку тётя Жаннетт нужна магия рода Ривас как можно в большем объёме для создания младшего рода, да и согласна тётя Женестье с тем, что лучшее воспитание как маркиз и возможный герцог я получу именно в маркизатстве, она поддержит мою позицию. Я горячо её поблагодарил. К сожалению, она сегодня же уезжала обратно в Толедо, поскольку её младший сын заболел, так что мы договорились, что я обязательно приеду к ней летом. К этому моменту уже начали приглашать обратно в зал. Я попрощался с тётей Женестье и прошёл обратно на своё место. Увидев меня, Мария схватила за сердце и погрозила мне пальцем. Я так понял, что меня в перерыве искали, но не смогли найти. Я извинился жестом и снова сел на скамью.

После перерыва заслушивали «прочих лиц, могущих иметь касательство к данному делу». Эта формулировка привела меня в восторг. Интересно, какими критериями пользовался суд, выбирая из всего населения земного шара этих лиц? Ведь к моему делу могут иметь касательство такое количество людей, что у меня отказывает воображение. Но всё оказалось не так страшно. Список лиц, допущенных к выступлению, подавался сторонами.

Со стороны Марии выступал Георг, который подробно рассказал, какие условия для моего проживания и обучения предоставляет замок Тодтов. Я впервые узнал, что в замке уже на протяжении более пятидесяти лет ведётся обучение одарённых с восьми до двенадцати лет в качестве их подготовки к школе.

Со стороны тётя Жаннетт выступал заместитель ректора университета Льежа, который обязался предоставить мне всех необходимых преподавателей для полноценного домашнего обучения до двенадцати лет. Это породило некоторое смятение на стороне Марии. Затем была приглашена тётя Женестье, которая поломала стороне тётя Жаннетт всю стратегию, заявив, что она прежде всего на моей стороне и считает, что моё мнение в данном случае должно

быть решающим. Тётя Жаннетт покраснела так, что мне показалось, что её хватит удар. Но обошлось. После тёти Женевьев выступал мажордом рода Ривас неударенный Филипп, который начал что-то мямлить об обучении традициям и обычаям рода. Однако на прямой вопрос воспрянувшего духом Карла де-Сант о возможности для Филиппа покинуть маркизатство для моего обучения этому, разумеется, очень важному для главы рода Ривас знанию, растерявшийся Филипп ответил, что, поскольку сам замок Ипр закрыт до моего совершеннолетия, то он вполне может ехать с молодым господином куда угодно.

Потом спросили моё мнение. Я постарался больше упираться на грустные воспоминания, которые будет вызывать маркизатство. Кроме того, я обратил внимание суда, что Мария была со мной и ранее и мне с ней очень комфортно, в отличие от тёти Жаннетт, которая явно не испытывала ко мне до сего дня тёплых чувств. Это утверждение никто не рискнул оспаривать. Посмотрев на напряжённое лицо тёти Жаннетт, я захотел было напомнить ей про «выродка», но сдержался. У меня не было уверенности, что тётя Жаннетт, сдержавшаяся после «предательства» родной сестры, устроит безобразную сцену после моих слов, а только ради такой сцены это и следовало говорить, поскольку отсутствие у меня родового признака было налицо... вернее, на голову. Поднявшиеся после такого моего заявления слухи нанесут мне вред ничуть не меньший, чем тёте Жаннетт.

Суд удалился на совещание. Совещались они довольно долго, но вот наконец вердикт.

Решением суда и Мария, и Жаннетт обе стали моими опекунами. Общим предоставлялась определённая сумма, которую они могли потратить на мои нужды либо приобретения. Моим имуществом сверх этих сумм распоряжался триумvirат: управляющий, связанный с родом Ривас магической клятвой, и двое опекунов. Текущая деятельность, не связанная с приобретением или реализацией имущества, контролировалась управляющим. Мои опекуны могли потребовать от управляющего отчёт об его деятельности в любой момент, но не чаще двух раз в год каждая. Вопрос о моём обучении после двенадцати лет опекуны должны были решать совместно. До двенадцати тётя Жаннетт должна была обеспечить меня учителями по ремеслу, естествознанию и алхимии, а Мария – по тем предметам, которые преподавались в замке Годтов. Кроме того, меня обеспечивают учителем по традициям, обычаям и истории рода Ривас. Каждый из опекунов мог проверить качество обучения, осуществляемого другим, в любой момент. С Жаннетт я был обязан проводить не менее трех месяцев в году до моего поступления в школу. После этого я должен был быть в распоряжении тёти Жаннетт не менее половины общей продолжительности своих каникул. Мне не понравилось чувство торжества, мелькнувшее в глазах Жаннетт после вердикта.

На выходе из зала суда нас с Марией попросили задержаться и проводили в кабинет председателя. Тётя Жаннетт была уже там. Они подписали график моего нахождения у Жаннетт. Она хотела этот период получить прямо сейчас и «одним куском», но удалось настоять, что я приеду к ней летом на два месяца и ещё по две недели проведу в маркизатстве на осеннее и весеннее равноденствия, совместив пребывание с ритуалами. На зимнее солнцестояние я буду приезжать в маркизатство вместе с Марией. После подписания бумаг граф Гент выразил своё восхищение достигнутым компромиссом и преувеличенно весёлым голосом сказал:

– Кстати, Серж, ты ведь позволишь старику так тебя называть, у тебя ведь недавно был день рождения? Какой подарок ты бы хотел от меня получить?

Каюсь, не выдержал. У меня перед глазами всё ещё стояло торжество в глазах тёти Жаннетт, а этот индивид был одним из главных, если не главным творцом этого торжества. Я сказал:

– Граф, я с очень большим разбором позволяю окружающим обращаться ко мне столь фамильярно, и возраст тут роли не играет. Что же касается подарка, подарите мне записную книжку... для памяти. – С этими словами я посмотрел ему прямо в глаза. Не знаю, что он в них увидел, но взгляд его отчётливо вильнул.

Температура в комнате как будто резко понизилась. Улыбки увяли, и судьи постарались побыстрее покинуть ставшее таким неудобным помещение. Я повернулся к тётке Жаннетт:

– Надеюсь, когда я прибуду для получения ордена, мне не придётся искать гостиницу? – Я постарался улыбнуться как можно шире.

– Разумеется, нет! Ты и сейчас спокойно мог бы жить в доме, принадлежащем тебе по праву. – Однако, говоря это, тётка Жаннетт отвела взгляд.

– Благодарю, тётка. Поскольку я очень беспокоюсь о вашем душевном самочувствии, рекомендую вам поменьше общаться со всякими, как вы там сказали: «выродками и хундорскими девчонками», кажется? Так вот, для избегания излишних встреч с вышеперечисленными, я рекомендую вам на время моего пребывания в моём доме в Брюсселе найти себе более спокойное место.

– Да как ты смеешь так со мной разговаривать?! Ты... – вдруг, неожиданно для меня, она сумела взять себя в руки и продолжила намного спокойнее: – Я понимаю, что ты меня ненавидишь, но поверь, когда-нибудь ты поймёшь, что я желала тебе только добра. – С этими словами она развернулась и вышла.

Я смотрел ей вслед. Теперь я уже не сомневался, что она мой непримиримый враг, но, к своему стыду, оказалось, что я её очень сильно недооценивал. Слава богам, что мне хватило мудрости послушать свою интуицию и не пытаться провоцировать тётку в зале суда. Если бы она и там смогла так мгновенно перестроиться, условия моей жизни в части процента времени пребывания у неё и у Марии могли измениться не в пользу последней.

Пока я стоял и раздумывал над тем, что мне делать с врагом, оказавшимся умнее, чем я думал, граф Гент вручил Марии свиток с её экземпляром решения суда и тихо исчез, даже не попрощавшись со мной.

Выйдя из зала суда, я с удивлением обнаружил, что день уже клонится к вечеру. Сразу же после этого осознания пришёл дикий голод: мне казалось, что я умру, если немедленно не съем чего-нибудь... или кого-нибудь. Очевидно, лошадь, запряжённая в экипаж, долженствующий отвести нас в гостиницу, что-то такое уловила, поскольку при нашем приближении всхлпнула и постаралась отодвинуться. К её сожалению, сей благоразумный порыв был пресечён кучером на корню.

На обратном пути мне было не до рассматривания окружающих пейзажей, голод терзал меня с неослабевающей силой, и всё моё внимание было сосредоточено на том, чтобы не показать окружающим свои истинные чувства, ведь графа Ашениаси всегда учили: «Аристократ никому не может показать своей слабости».

Вот наконец гостиница. Я немного отстал от Георга и Марии в фойе и приказал портье немедленно принести ко мне в номер холодные закуски. Душ я принял в рекордные сроки. По счастью, когда я вышел из душа, мой заказ уже ожидал меня. Через двадцать минут я вновь мог думать о чём-нибудь другом, кроме своего желудка.

Ужинали мы в ресторане гостиницы. За ужином был составлен примерный план наших дальнейших действий. На завтра был назначен отъезд в маркизатство, куда мы должны были прибыть к вечеру того же дня. В маркизатстве мы планировали оставаться до второго января, затем отправиться в замок Тодт, прибыть в который мы должны были четвёртого января. Меня несколько удивили такие сроки. Неужели маги не могут перемещаться быстрее? На мой вопрос я получил удивление и непонимание: о каких перемещениях, кроме порталов, я говорю? Пришлось отвечать максимально туманно: где-то что-то слышал о том, что маги могут мгновенно перемещаться без стационарных порталов. Удивление в глазах Георга сменилось на понимание:

– Вот вы о чём, первородный Серж. – И он начал объяснение.

Выяснилось, что магические перемещения в этом мире бывают двух видов: с помощью сети стационарных порталов и с помощью специального заклинания. Это заклинание могли

использовать лишь немногие маги, и оно позволяло магу переместиться в любую точку, которую он мог отчётливо себе представить.

Расстояние зависит от силы мага, но прыжки на расстояние более десяти километров неизвестны. Про себя я поразился. Неполный список способов магического перемещения в мире графа Ашениаси (точнее – все способы, которые я смог вспомнить) включал в себя несколько позиций. Стационарные порталы, причём выглядели они как простая арка. Разумный подходил к ней, далее либо вливал собственную магию, либо обслуга портала активировала накопитель, разумный чётко проговаривал место назначения. Пространство внутри арки затягивалось непрозрачной плёнкой, тёмной, если портал, к которому осуществлялось перемещение, в данный момент занят, и бесцветной – если тот свободен. Разумный шагал в эту бесцветную плёнку и в тот же миг оказывался в месте назначения. Кроме сети стационарных порталов существовало перемещение к специальному артефакту, действующее на расстоянии трёхдневного конного перехода, перемещение к человеку, действующее в пределах прямой видимости между людьми, связанными специальным заклинанием. Ну и самым узкораспространённым было перемещение по складкам пространства, доступное только магам, имеющим канал на план пространства.

Вслух же я поблагодарил Георга за разъяснения. Там же, за ужином, мы договорились в личном общении с Георгом перейти на имена.

Глава 7

На следующий день после суда был запланирован наш отъезд в маркизатство. Там мы должны были встретить Новый год и провести новогодние ритуалы магии рода.

Завтракали мы в гостиной моего номера, как самом большом помещении в снятых нами номерах. За завтраком Георг, Мария и я поблагодарили пришедших юристов за помощь, благодарность была подкреплена звонкой монетой. Не знаю, как Мария, а я благодарил искренне – я понимал, что в той ситуации, в которой мы оказались, эти люди сделали всё, что могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.